

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 1 (25), 2020

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2020

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 1 (25), 2020

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 1 (25), 2020

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Abisheva K.M., Koldasbaeva Z.Sh., Ishanova A.K.*
FRACTAL ANALYSIS OF A. POTEMKIN'S TEXT BASED
ON AN INTEGRATED POSTMODERN AND SYNERGETIC PARADIGM 8
- Malysheva Zh.A.*
APPROACHES TO THE DEFINITION OF "DISCOURSE" AND RESEARCH METHODOLOGY 14
- Melikhova N.V.*
DISCURSIVE PRACTICE 19

Literary Studies

- Mambetov I.K.*
ART FORM RESEARCH IN KARAKALPAK POETRY 22
- Mambetova M.K.*
DRAMA GENRE IN KARAKALPAK LITERATURE 25

Literature of Peoples of the Foreign Countries

- Belyaeva M.V.*
THE ROLE OF RELIGIOUS RITUAL IN MODELING
OF THE LITERARY SPACE IN THE NOVELS BY K. ABE AND K. ISHIGURO 28

Journalism

- Cai Yixin*
INTERACTIVE NATURE OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN CHINA'S TV AIRWAVES..... 34

Linguistics

- Aleinikov A.G.*
CREATIVE LINGUISTICS 39
- Cheredinova O.V., Krasnova O.A., Roman'kova M.N., Tokareva L.V.*
SEMANTIC VARIATION OF LEXICAL UNITS
IN THE TRANSLATION OF SCIENTIFIC MEDICAL TEXTS 58
- Shchibrya O.Yu., Ganyushkina Ye.S.*
PECULIARITIES OF TRANSLATION OF THE VERBAL
AND CIRCULAR NOTES FROM GERMAN TO RUSSIAN 63

Germanic Languages

Ahmedova G.V.

FEATURES OF THE USE OF ATTRIBUTIVE SUBORDINATE CLAUSES IN GERMAN 66

Linguistic Theory

Shkuropatskaya M.G., Zhukova T.V.

GENDER CHARACTERISTICS OF THE ORDINARY SEMANTICS
OF POLYSEMANTIC BIONYM IN THE RUSSIAN LANGUAGE 71

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Абишева К.М., Колдасбаева З.Ш., Ишанова А.К.
ФРАКТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА А. ПОТЕМКИНА НА ОСНОВЕ
ИНТЕГРИРОВАННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ..... 8

Мальшева Ж.А.
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ДИСКУРСА» И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 14

Мелихова Н.В.
ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА 19

Литературоведение

Мамбетов И.К.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ 22

Мамбетова М.К.
ЖАНР ДРАМЫ В КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 25

Литература народов стран зарубежья

Беляева М.В.
РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА В МОДЕЛИРОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНОВ К. АБЭ И К. ИСИГУРО 28

Журналистика

Цай Исинь
ИНТЕРАКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В ТЕЛЕЭФИРЕ КИТАЯ..... 34

Языкознание

Алейников А.Г.
КРЕАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА 39

Черединова О.В., Краснова О.А., Романькова М.Н., Токарева Л.В.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ 58

Щибря О.Ю., Ганюшкина Е.С.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕРБАЛЬНЫХ
И ЦИРКУЛЯРНЫХ НОТ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ..... 63

Германские языки

Ахмедова Г.В.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 66

Теория языка

Шкуропацкая М.Г., Жукова Т.В.

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЫДЕННОЙ
СЕМАНТИКИ МНОГОЗНАЧНЫХ БИОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 71

УДК 81'35 81'27

**ФРАКТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
 А. ПОТЕМКИНА НА ОСНОВЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ
 ПОСТМОДЕРНИСТСКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

К.М. Абишева¹, З.Ш. Колдасбаева², А.К. Ишанова³

^{1,3} доктор филологических наук, профессор,

² кандидат педагогических наук, профессор,

¹ Университет Туран-Астана,

² Аркалыкский государственный педагогический институт им. Алтынсарина,

³ Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан), Казахстан

***Аннотация.** Статья посвящена изучению роли фракталов как средств организации межтекстового пространства и формирования новых знаний, и смыслов путем развития потенциала авторского текста, процесс его взаимодействия с текстом извне. Автор произведения, используя способ нелинейного мышления, задает фрактальную структуру – межтекстовое пространство, объединяющее тексты разных авторов. Именно в рамках этого пространства (фрактала) наблюдается актуализация новых смыслов, возникающих при столкновении разных текстов, соотнесенных по теме. Именно фрактал способствует динамичности, открытости многоуровневости авторского текста.*

***Ключевые слова:** фрактал, аллюзии, цитата, парадигма, постмодернизм, текст, синергетика, динамичность, вертикальный контекст.*

***Объект работы:** постмодернистский текст А. Потемкина как многоуровневое текстовое пространство, характеризующееся открытостью, интегративностью, динамичностью. В нем весьма часто используются тексты других авторов, применяемые автором для более точного выражения своей идеи, своего отношения к окружающему миру и своей оценки. Проблемой, рассматриваемого объекта, является выяснение вопроса: с какой целью автор создает интертекстуальный текст? Как используются тексты вертикального контекста, несущие подтекстовую информацию? В чем суть нелинейности мышления автора?*

***Цель работы:** исследовать, с помощью фрактального анализа, фракталы как временные сцепления текстов (автора и текстов вертикального контекста) как межтекстовое временное пространство, в котором формируются новые смыслы и оттенки смыслов.*

***Метод исследования:** фрактальный анализ, направленный на генерирование новой формы межтекстового пространства, в котором совмещаются тексты различных авторов. Тексты объединены между собой общей темой. В рамках данного фрактала как динамической системы возникают новые смыслы, новые знания, так как тексты извне, взаимодействуя с авторским текстом, развивают потенциал авторского текста, помогают выявить в нем то новое, что способствует вывлению глубинного смысла авторской идеи.*

***Новизна исследования** заключается в стремлении авторов использовать интегрированный подход, основанный на принципах постмодернизма и синергетики, направленный на изучение текста как открытого, динамичного, способного интегрироваться многоуровневого феномена, а автора его как творческой личности, использующей лингвокреативные нелинейные типы мышления, способствующие возникновению новых смыслов, ассоциаций, в межтекстовых пространствах-фракталах, актуализирующих потенциальность авторского текста при столкновении с другими типами текстов вертикального контекста. Вертикальный контекст способствует интертекстуальности*

текстов автора, привлекая в него тексты извне, соотносящиеся по тематике.

Результаты исследования: *постмодернистский текст А. Потемкина изучен на основе интегрированной постмодернистско-синергетической парадигмы. Выявлены новые смыслы, возникающие в динамическом межтекстовом пространстве – фракталах, отличающихся динамичностью и способных актуализировать потенциал авторского текста; выяснены глубинные смыслы авторского текста, возникающие во фрактале. Они способствуют полнейшему раскрытию авторской идеи; применен фрактальный анализ.*

Актуальность изучения художественного текста обусловлена необходимостью исследования филологического материала на основе новых идеологических установок и интегрированных методологических парадигм, сформированных в конце XX – середине XXI века на базе идей синергетики и постмодернизма. Постмодернизм характеризуется как новое течение, понимаемое как «направление в искусстве, предполагающее диалог на основе взаимной информации, открытость, ориентацию на многообразии духовной жизни человечества» [Скоропанова, 1999, с. 9]. Постмодернизм проявляется в художественной сфере «принципом снятия, с удержанием в новой форме характеристик предыдущего периода» [Скоропанова, 1999, с. 9]. В основе такого направления лежат также идеи нового универсального гуманизма, включающего в себя «не только все человечество, но и все живое, природу в целом, Вселенную». Универсальный гуманизм основан на таких идеях синергетики, как открытость, динамичность, интегративность. В таком случае исследуемый объект рассматривается как динамическая, самоорганизующаяся система, отличающаяся подвижностью, наличием универсальных связей с другими объектами мира. Поэтому приемлемым представляется нам использование универсальной синергетической парадигмы, совмещающей идеи постмодернизма (полифоничность, многоуровневость, нелинейность) и синергетики (открытость, динамичность, интегративность). Такая постмодернистско-синергетическая методологическая парадигма оказывает содействие при изучении текста как текстового мира. Поэтому У. Эко считает, что «текст – это художественное произведение, это галактика, это Вселенная» [Эко, 1998]. Художественный текст представляется как самоорганизующаяся, динамическая система, характеризующаяся не только внутренним миром, энергожизнью, движением энергетических потоков внутри себя [Мышкина, 1998], но и соотносительностью со вторичным миром – миром других текстов. Как пишет Е.Е. Бразговская: «Текст существует, т. е. создается и воссоздается – воспринимается в межтекстовых пространствах, на пересечениях с другими текстами» [Бразговская, 2004].

Автор текста также выступает как самоорганизующаяся личность, формирующая свою художественную картину мира на основе своих ценностных ориентаций, установок, эстетических взглядов, выражающихся в системе его концептосферы. Его художественные концепты отражают как универсальный, так и индивидуальный, эмоционально-чувственный и эстетический способ восприятия мира в процессе образной, нелинейной мыслительной деятельности. В процессе лингвокреативной деятельности художники слова воспринимают окружающий мир под иным ракурсом, указывают на него, воспринимаемого как другое, через призму своего «Я». Осуществляя эстетическое видение мира, авторы связывают с каким-либо словом, явлением разнообразные ассоциации, способствующие актуализации новых смыслов. Наряду с этим, авторские концепты динамичны, что проявляется в их диалогичности. С.А. Аскольдов полагает, что наличие коммуникативной связи между писателем и читателем, художником и зрителем, композитором и слушателем и т. д., порождает бесконечное разнообразие индивидуальных способов восприятия и, вследствие этого, – вариантов вербальных смыслов [Аскольдов, 1997]. Познание внутреннего мира автора, его способов самовыражения может осуществляться и через многоуровневый анализ текста, взятого не только в отдельности, но и во взаимодействии с фрагментами текстов других авторов, т. е. в интертекстуальном плане.

Интертекстуальность толкуется Ю. Кристевой как: «мозаика цитаций, любой текст – продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева, 1995]. Она также рассматривается как содержательная категория текста, «способствующая соотносению текстовых высказываний с его... (не данными напрямую в опыте коммуникации) референтами – другими текстами культурного пространства» [Бразговская, 2004].

Такой сложноорганизованный текст можно исследовать только на основе интегрированной парадигмы, в частности, лингвосинергетической, предложенной Н.Ф. Алефиренко, Н.С. Олизько и применяемой ими при изучении языка и культуры [Алефиренко, 2002], [Алефиренко, 2010], [Олизько, 2009].

Н.С. Олизько применяет методику фрактального анализа, предполагающего применение фрактала как средства организации концепта и развёртывания его смыслового пространства на каждом новом уровне реализации концепта. Фрактальный анализ наглядно визуализирует идею незавершенности, процессуальности и имманентной динамики языковых феноменов [Олизько, 2014, с. 789].

Фрактальный анализ применяется Н.С. Олизько с целью анализа фракталов как способов воспроизведения авторских идей и методов генерирования новых смыслов, новых форм взаимодействия в процессе взаимоотношений между текстами отдельного автора, объединенными общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения. Нами же акцентируется внимание на фракталах как временных сцеплениях текстов разных авторов в межтекстовом пространстве, где авторский текст и тексты других авторов входят в динамические минифракталы – динамичные формы развития авторского смысла, способствующие также возникновению ассоциативной сети представлений, актуализирующихся при столкновении, взаимодействии двух разных текстовых систем. Фрактал, понимаемый как закон построения формы при возможном избытии алгоритмов роста, и способствует динамичности языковых феноменов как в рамках одного авторского текста, так и при взаимодействии с текстами иных авторов. В таком тексте целостность текста обычно обеспечивается единством глобальной темы текста, включающей в себя микротемы. Целостность выступает в таком случае как тождество референций, когда все слова соотносятся с изображением. Вместе с тем, единство текста создается и импликацией, основанной на ситуативных связях (в этом случае наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие и других, ситуативно с ним связанных) [Гальперин, 2009]. Тематическое единство текста создается и в случае взаимодействия текстов в рамках межтекстовых фракталов, когда авторская тема соотносится с темой других текстов, представляемых извне при помощи вертикального контекста, как информации, историко-филологического характера, объективно заложенной в конкретном литературном произведении» [Ахманова, Гюббенет, 1977, с. 47]. Такой контекст представляет имплицитную информацию двух типов: 1) скрытую информацию, обусловленную языком и независимую от намерений отправителя текста; 2) подтекстовую информацию, зависящую от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, социальный и т. п. факт, отсылка ко вторичному тексту и вторичной ситуации. Скрытую информацию первого типа представляют реалии, фразеологизмы, паремиологические единицы. Подтекстовую информацию второго типа актуализируют аллюзии, цитаты. Рассмотрим путем фрактального анализа динамические межтекстовые сцепления в контексте А. Потемкина. Такие межтекстовые динамические фракталы способствуют возникновению новых знаний, развитию ассоциативного поля авторских концептов, усилению эмоционально-авторского воздействия на читателя.

Для формирования межтекстового фрактала автором весьма часто привлекаются аллюзии, как стилистические фигуры «преференциального характера, где в качестве денотатов выступают две ситуации: референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста и подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокупности общих фоновых знаний адресанта и адресата» [Христенко, 1993, с. 7]. Аллюзии могут соотноситься как с филологической информацией, так и с реальными событиями. Аллюзии, используемые в контексте А. Потемкина, представлены тремя типами. К первому типу относятся аллюзии, основой которых является протореальность, т. е. протоситуация, связанная с реальными событиями. Так, аллюзия-намек на картину Сальвадора Дали «Апофеоз Гомера» с приведением комментариев способствует раскрытию идеи автора о разрушении человеческого общества и человека в нем, ибо он исчерпал самого себя, погряз в пороках. Восстановление его с помощью «пораженца» и его мечты о Соло Моно невозможно: *Я частенько вызываю в памяти образы этого замечательного художника. И всякий раз убеждаюсь, что он, так же как и я, категорически не ассоциировал себя с сивомасковцами, культивировал идею, похожую на мою наиглавнейшую мечту, и по-своему изменял мир. Скажу так: у него все течет и обращается в нечто, а законченный продукт имеет лишь временный характер, как и во всей Вселенной. Галактики обращаются вокруг центров массового скопления галактик, в состав которых они сами же входят. Прямолинейного движения у макроматерии во Вселенной нет. Поэтому и я, и Дали существуем по сходным ментальным схемам: он изображает свой отличный от всех мир, а я мечтаю создать свой, совершенно уникальный. Криволинейная связь делает нас независимыми и разными* [А. Потемкин. Соло Моно, с. 72-73]. Способ введения аллюзии – через монолог персонажа,

Герой сообщает информацию читателю. Аллюзии вводятся при помощи комментариев персонажа: *надо заметить, что в минуты крайнего возбуждения, я частенько вызываю в памяти образ*

этого замечательного художника; и всякий раз убеждаюсь что он...; вывода: поэтому и я, и Дали существуем по сходным ментальным схемам...

Подтекстовый смысл, возникающий на основе функционирования аллюзии – намек на картину Дали: – мечты Ф. Махоркина о создании нового человека (Соло Моно) несбыточны, разве под силу невежественному, не имеющему технических знаний, убогому пораженцу конструировать биоробота! Махоркин продирается к своей мечте через тайгу сознания. Мечта его светлая, но ведь мир настоящего разрушен, а его венец – человек исчезает в потребительском обществе. Темы авторского текста и картины художника перекликаются.

Следующая аллюзия также протореальна. Источником ее выступают реальные прецедентные имена – общественные, религиозные деятели, ученые, люди искусства. Герой текста сравнивает себя с ними и ищет оправдания своему поступку – превратиться в юродивого из князя: полнейшая путаница в голове, хаос в сердце. Приходит на ум только одно слово единственно верный диагноз: юрод! Кто же другой мечтает часть жизни прожить в антимире и углубиться в изнанку бытия? Я похож на монаха Джироламо Саванаролу, предавшего анафеме роскошь. Иногда же я напоминаю себе ученика александрийского Оригена, который указал, что сотворение мира Создатель задумал как длящийся вечно процесс. Подобно Оригену я также считаю, что душа человека совершенно неизбежно воссоединится с Богом, а новое существо расселится по всей Вселенной. Если Алкмеон из Кротона впервые стал вскрывать трупы и практиковать вивисекцию для точного определения причин смерти, то я, Иверов из Ниццы, впервые хочу практиковать вскрытие и освобождение души человеческой для новой жизни, для его свободного перемещения из мира реального в мир трансцендентный. Именно я хочу положить начало бегству из нынешнего, разграбленного опустошенного, разоренного мира в виртуальную целину вечной свободы [А. Потемкин. Изгой, с. 187-188].

Новый подтекстовый смысл возникает путем упоминания прецедентных имен и приведения сведений о их деяниях. Источником подтекстового смысла в этом случае выступает аналогия (исторические личности и герои произведения). Глубинный смысл, возникающий во временном фрактале, т.е. в сцеплении авторского текста с прецедентными текстами извне, следующий: Иверов старается найти смысл своего бытия: разглядеть в нищете и падении людей скрытые вершины человеческого духа, красоту плоти, широту добродетели и глубины страсти.

Такие аллюзии относят к содержательным. И.С. Христенко считает содержательными те аллюзии, которые эксплицитно представлены в тексте. Стилистические же аллюзии – это непрямые ссылки на источник [Христенко, 1993].

Следующий способ использования аллюзии – это параллельное введение аллюзий-прототекстов. Аллюзия-прототекст основывается на тексте. В нижеследующей ситуации автор использует прием двойного цитирования. Цитата и аллюзия понимаются нами как разновидности одного и того же понятия. Аллюзия – общее понятие, а цитата его разновидность. В.В. Варченко также не разделяет цитаты и аллюзии, говоря об аллюзийном цитировании чужого слова [Варченко, 2004]. В нижеследующем контексте цитаты введены по-разному: с графическим оформлением и без него, но выделены курсивом. Вертикальные контексты созвучны по теме с авторскими: *на память пришли слова из Евангелия от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут: ибо где сокровище ваше, там и будет сердце ваше»* Иверов вспомнил слова деда: «Небо» в Святом писании выступает синонимом души человеческой, а «сокровища» – богоугодные дела. Дед был набожным человеком, он мечтал, чтобы его внук стал добрым христианином. Именно в этот момент его воспоминания прервались вдруг пришедшими на ум строками Валентина Никитина:

Я на лицо молитвы упаду,

Я буду грезить, грезить наяву

«Стихи Валентина Никулина, – подумал Иверов, – помогают мне абсолютно и окончательно определиться: мое будущее – слияние с Богом в виртуальном пространстве» [А. Потемкин. Изгой, с. 444].

Имплицитный смысл, возникающий на основе интегрированных сцеплений (двух аллюзий и авторского текста) следующий: Иверов в споре с дьяволом о сути божественного, убеждается в своей правоте. В бытии Нечистого духа – натиск материальных ценностей, потребительство. Поэтому Иверов отказывается от современной жизни. Ибо она греховна, моль (потребительство), ржа (пороки), губят жизнь, спасение только в духовных ценностях, на небе.

В произведениях А. Потемкина используется и одиночная цитата: «Еще Ницше говорил: «Чем сильнее развиваются чувства единства с людьми, тем однообразнее становятся люди. Так возникает песок человечества: все очень одинаковы, очень малы, очень круглы, очень уступчивы, очень неповоротливы». *А мы стремимся к тому, чтобы все были красивыми, разнообразными, утопающими в роскоши, без комплексов предавались античным по утонченности наслаждениям. Необходимо массовое и радикальное противопоставление этого нового гедонизма старой, исчерпавшей себя культуре, отжившим традициям – надуманной святости, учености, ханжескому человеколюбию, абстрактной доброте* [А. Потемкин. Русский пациент, с. 169].

Способ введения аллюзии – графический, маркерами ее являются кавычки. Подтекстовый смысл межтекстового фрактала: воспевание индивидуализма и нового гедонизма, основанного на чувственных наслаждениях, на ценностях массовой культуры. Эгоизм противопоставляется коллективизму, когда люди однообразны, не отличаются друг от друга. В современной жизни ценятся индивидуализм, честолюбие, гордыня.

Таким образом, анализ постмодернистского текста А. Потемкина показывает, что авторский текст отличается энергожизнью: движением и формированием все новых смыслов, способствующих раскрытию идеи писателя, его намерений. Актуализация смыслов осуществляется в рамках фракталов – динамических межтекстовых сцеплений (текстов – аллюзий из произведений других авторов и самого автора). Межтекстовый диалог текстов разных авторов, соотносящихся по теме в рамках фрактала, и порождает новый подтекстовый смысл. Нелинейность мышления автора текста выражается в его стремлении создать интертекстуальный многоуровневый текст, открытость и динамичность которого проявляются во фракталах, способствующих порождению новых смыслов текста автора, новых знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – № 3.
3. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов. – М.: Русская словесность, 1997.
4. Бразговская, Е.Е. Текст культуры: от события к событию (логико-семантический анализ межтекстовых взаимодействий) / Е.Е. Бразговская. – Пермь, 2004.
5. Варченко, В.В. Формы и функции цитатной речи в медиатексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. / В.В. Варченко. – М., 2004.
6. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман / Ю. Кристева, М.М. Бахтин // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1995. – № 1.
7. Мышкина, Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н.Л. Мышкина. – Пермь, 1998.
8. Олизько, Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе / Н.С. Олизько. – Челябинск, 2009.
9. Олизько, Н.С. Когнитивная лингвосинергетика / Н.С. Олизько // Когнитивные исследования языка. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та., 2014.
10. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М.: Флинта: Наука, 1999.
11. Христенко, И.С. Лингвостилистические особенности аллюзии как средства создания подтекста (на материале романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» и произведений Б. Переса Гальдоса): автореф. дисс. ... канд. фил. наук / И.С. Христенко, 1993.
12. Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философии постмодернистской эпохи. Сб переводов и рефератов. – Мн., 1998.

Материал поступил в редакцию 01.01.20

**FRACTAL ANALYSIS OF A. POTEMKIN'S TEXT BASED
ON AN INTEGRATED POSTMODERN AND SYNERGETIC PARADIGM**

K.M. Abisheva¹, Z.Sh. Koldasbaeva², A.K. Ishanova³

^{1,3} Doctor of Philological Sciences, Full Professor

² Candidate of Pedagogic Sciences, Full Professor

¹ University Of Turan-Astana,

² Arkalyk State Pedagogical Institute named after Y. Altynsarin,

³ L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan), Kazakhstan

***Abstract.** The article is devoted to the study of the role of fractals as a means of organizing intertextual space and forming new knowledge and meanings by developing the potential of the author's text, the process of its interaction with the text from the outside. The author of the work, using the method of nonlinear thinking, sets a fractal structure – an intertextual space that combines the texts of different authors. It is within this space (fractal) that the actualization of new meanings that arise when different texts collide, correlated by topic, is observed. It is the fractal that contributes to the dynamism and openness of the author's multi-level text.*

***Keywords:** fractal, allusions, quote, paradigm, postmodernism, text, synergetics, dynamism, vertical context.*

УДК 80

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ДИСКУРСА» И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ж.А. Малышева, магистрант

Институт филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье представлены различные подходы к определению понятия «дискурс» как в узком, так и в широком смысле. Кратко описаны свойства, присущие дискурсу. Описаны методы исследования дискурса.*

***Ключевые слова:** дискурс, свойства дискурса, методы исследования.*

В современном мире понятие «дискурс» уже плотно вошло в обиход учёных в области коммуникативных исследований. Несмотря на то, что дискурс как сложное коммуникативное явление изучается уже на протяжении полувека, учёные так и не пришли к общему определению данного концепта, которое бы полностью отражало все дифференциальные грани многозначного лингвистического явления современности.

Понятие дискурс пронизывает многие научные дисциплины, в которых так или иначе изучается язык, именно это и является причиной трудности однозначного определения концепта.

Изначально дискурс рассматривался сугубо как текст, в более поздних исследованиях наблюдалась необходимость разграничить понятия «текста» и «дискурса».

Согласно этимологической оценке данного понятия (фр. discours, от лат. discursus — рассуждение, довод), оно означает нечто обнаруженное в процессе рассуждения и построения доводов.

Васс перечисляет следующие значения «дискурса» [Vass, 1992: p. 9]:

1. (Общее): речь, разговор, дискуссия;
2. Дискурсивная презентация мыслей путем ряда утверждений;
3. Утверждения или высказывания, цепочка утверждений;
4. Некая цепочка мыслей, способ её получения: научный, поэтический, религиозный, дискурс;
5. Поведение, регулируемое правилами; приводит к цепочке или взаимосвязанной системе утверждений;
6. Язык, который практикуют; разговорный язык;
7. Язык как множество, языковой универсум;
8. Дискуссия и оспаривание критерия валидности с целью добиться консенсуса среди участников дискурса.

Проанализировав перечисленные Вассом значения «дискурса», следует обратить внимание, что дискурс начинают рассматривать с точки зрения практического применения языка. Язык исследуется уже не как совокупность языковых средств и структур, а его ситуативное использование, что способно раскрыть прагматическую сторону.

В это же время возникла необходимость исследования «дискурса» в рамках ситуационного контекста использования языка.

В данной работе будет целесообразно сослаться на определение Ван Дейка, представившего дискурс как текст в контексте и как событие, которое необходимо описывать эмпирически [van Dijk, 1977].

Исходя из определения Ван Дейка, дискурс определяет взаимосвязь между определённым событием и ситуацией, задающей структуру дискурса. Таким образом, дискурс представлен как нечто, формирующее социальную реальность.

В современных исследованиях дискурс как сложное коммуникативное явление рассматривает текст вместе с экстралингвистическими факторами, которые необходимы для понимания текста [В.Н. Бабаян, 2017]

Так, например, Ю.С. Степанов исследовал дискурс как отражение языковой и социокультурной

реальности, что определяет особое использование языка и его средств для создания ментальной реальности [В.Н. Степанов, 2008: с. 38-39].

В свою очередь, В.В. Красных сделал вывод о том, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [В.В. Красных, 2001].

Данное определение демонстрирует нам, что процесс и результат играют основополагающую роль.

Результатом, несомненно, является совокупность текстов, которые были созданы при коммуникации.

Процесс же направлен на осмысление вербальной и невербальной сторон речемыслительной деятельности. Отсюда следует, что язык рассматривается с двух сторон: во-первых, исследование языковых средств, используемых в процессе порождения речи, во-вторых, причины выбора тех или иных языковых средств для порождения речи и то, как этот выбор будет реализован на практике, то есть влияние на восприятие и понимание текста.

В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» дано следующее определение дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Дискурс – речь, погруженная в жизнь» [Н.Д. Арутюнова, 1998: с. 136-137].

Изучив представленное определение, можно заключить, что дискурс отражает социокультурные характеристики речевого процесса между его участниками, определяющие выбор языковых и экстралингвистических средств.

В.И. Карасик рассматривал дискурс с позиции принадлежности людей к той или иной социальной группе или принадлежности к той или иной речеповеденческой ситуации и, исходя из этого, выделил несколько видов дискурса: медицинский, научный, рекламный, военный, политический и многие другие [В. И. Карасик, 2004].

Справедливо отметить, что деление дискурса на различные виды призвано удовлетворять специфику той или иной социальной сферы. Обоснованность деления на виды и выделение наиболее значимых свойств заслуживают отдельного исследования.

Дискурс, в широком понимании, сложный речемыслительный процесс или событие, происходящее между его участниками в определённом контексте с учетом выбора языковых и внеязыковых средств коммуникации, а также социокультурного аспекта.

В узком же смысле – это форма текста, его вербальная характеристика, представляющая собой результат коммуникативного действия.

Итак, проанализировав представленные определения, мы можем сделать вывод о том, что понятие «дискурс» действительно является очень многогранным, оно включает следующие свойства:

- Текст как результат речемыслительной деятельности;
- Участниками коммуникативного события являются: а) порождающий речь; б) интерпретирующий речь.
- Личностные характеристики участников коммуникативного события;
- Лингвистические и экстралингвистические характеристики; вербальные и невербальные средства;
- Привязанность к определенной ситуации;
- Пространственно-временной контекст;
- Обусловленность социокультурным аспектом;
- Обусловленность ранее приобретённым опытом.

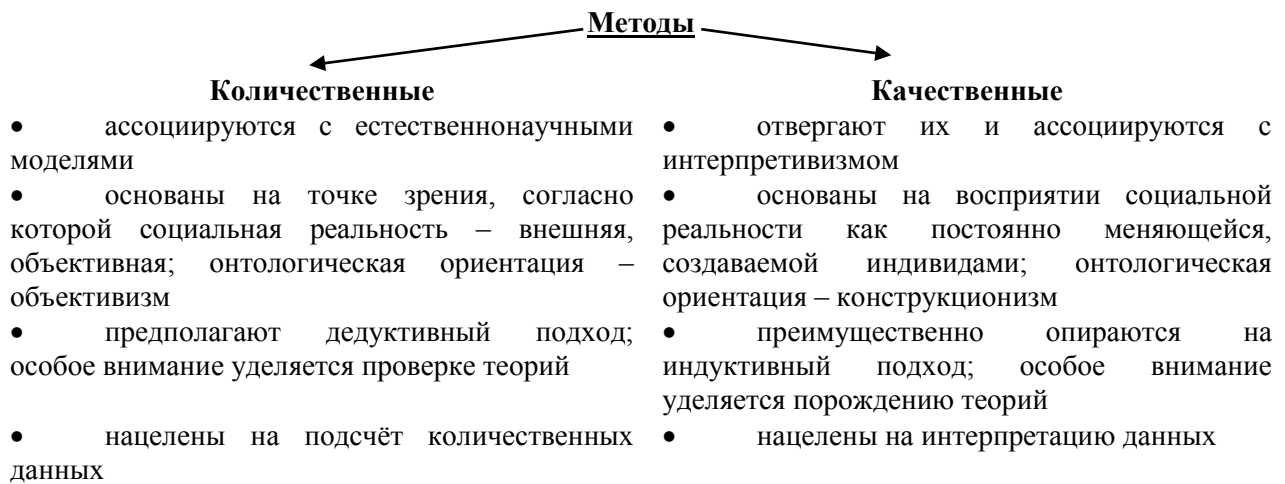
Дискурс, по своей сути, может отождествляться с текстом, но необходимо понимать какими характеристиками должен обладать такой текст. Е.В. Темнова уточняет, что «дискурс – это не только связанная последовательность предложений, противопоставляемая изолированному предложению, но и определённое семантическое единство, обладающее семантической связностью» [Е.В. Темнова, 2004: с. 26].

Таким образом, мы видим, что речь идёт о когезии – связности, которая является одной из основных характеристик дискурса. Когезия определяет структурную и содержательную целостность речевого продукта и необходима для восприятия и понимания глубинных смыслов результата речемыслительной деятельности.

Исследовательские методы как правило делятся на количественные и качественные. Количественные методы подразумевают работы с количественными данными, а качественные методы

основываются на описании и ставят перед собой целью интерпретации глубинных смыслов.

О.А. Леонтович в своём исследовании приводит различия между количественными и качественными методами, так [О.А. Леонтович, 2011: с. 17]:

К количественным методам относят эксперимент, опросы, контент-анализ, интервью, наблюдение. Согласно О.А. Леонтович, «количественные подходы в значительном числе случаев предполагают использование статистических методов» [О.А. Леонтович, 2011: с. 18].

Несмотря на приведённые различия между количественными и качественными методами, все же нельзя провести чёткую черту между ними.

Примечательно, что за успешными количественными исследованиями стоят качественные, порождающие теорию, которую впоследствии можно проверить, используя количественные методы.

В последнее время наблюдается смешение методик исследований. Это предполагает совместное использование количественных и качественных методов. Уместность использования смешанных методов ставилась под вопрос в 70-80-х годах XX века, поскольку считалось, что данные методы несовместимы за счет разных эпистемологических оснований. В XXI веке смешение методов уже выделилось в отдельный методологический подход.

Комбинирование количественных и качественных методов, по мнению учёных, имеет определённые преимущества:

- а) достоинства того или иного метода компенсирует существующие недостатки другого;
- б) исследование, проведённое с использованием смешанной методики, обладает полнотой;
- в) исследование можно проводить с разных точек зрения;
- г) как сообщалось ранее, качественные методы направлены на порождение теорий, которые можно проверить с помощью количественных методов;
- д) качественные методы способны проиллюстрировать количественные;
- е) получение достоверных результатов.

Несомненно, смешение методов требует безупречное знание особенностей как количественных, так и качественных методов. Смешение предполагает учёт того, что методы должны быть единым целым взаимодополнять друг друга, компенсировать недостатки другого, поскольку они направлены на решение определенной исследовательской проблемы.

Методы лингвистических исследований (МЛИ) разнообразны и обоснованность использования того или иного метода определяется языковыми гранями. МЛИ направлены на выявление прежде всего языковых закономерностей и тенденций, определение социокультурных особенностей общества.

Ведущим МЛИ является *дескриптивный метод*, он основывается на наблюдении и последующем описании лингвистических явлений.

Этимологический метод, в свою очередь, является узконаправленным, но не менее важным. Такой метод предполагает анализ происхождения языковых единиц. Значимость метода заключается в исследовании языкового материала, его исходных словоформ, этапов словообразования.

Сопоставительный или компаративный МЛИ выявляет языковые закономерности путем сравнения одного языка с другим, определяет национальную специфику языковых единиц, позволяет

увидеть модели коммуникативного поведения носителей языка.

Ещё один из методов – *компонентный анализ*. Чаще всего его применяют для исследования семантики языка. Он подразумевает деление значений языковых единиц на компоненты и последующий их анализ с целью определения общих и дифференциальных признаков. Достоинством такого метода можно назвать определение тончайших семантических граней.

Методы психолингвистических экспериментов обладают многообразием исследовательских методик как, например, завершение предложения, определение грамматической правильности или приемлемости предложения, метод чтения с регулировкой скорости, методика записи движения глаз в процессе чтения и др. [И.А. Секерина, 2010: с. 251-255]

Метод ассоциативного эксперимента как одна из методик психолингвистических экспериментов опирается на реакцию респондентов (участников ассоциативного эксперимента) на стимулы. Данный метод оказывается весьма полезным для выявления имплицитных связей. Реагируя на предложенные стимулы, респонденты прибегают к фоновым знаниям, полученному ранее языковому опыту. Для чистоты эксперимента респондентов делят на группы исходя из определённых критериев (например, возрастной диапазон, уровень образования и др.)

Кроме того, существует *метод контекстуального анализа*, который позволяет изучать то, как ведут себя языковые единицы в своём окружении. Этот метод очень важен для исследования дискурса, поскольку ведущими понятиями в данном случае являются микро- и макроконтраксты.

При исследовании «дискурса» многие учёные столкнулись с многогранностью данного понятия, что обуславливает дальнейшие методы исследования дискурса.

Направлением, которое изучает дискурс, является *дискурсивный анализ*. Началом развития дискурсивного анализа послужили многочисленные исследования по вопросам употребления языка. Ещё в XX веке учёные в области лингвистических исследований обозначали главным объектом лингвистики языковую систему. Однако вместе с развитием общества и изменением его языковых потребностей стал подниматься вопрос о необходимости исследования языка с точки зрения употребления, чтобы адекватно понять языковые явления.

Дискурсивный анализ подразумевает под собой совокупность методик для исследования языка как продукта речевой деятельности, которая осуществляется в определённых условиях.

Метод *дискурс-анализа* ставит перед собой объектом различного рода тексты. Каждый исследователь самостоятельно определяет объем материала, но важно, чтобы объем материалов был репрезентативным и обеспечивал корректность результатов.

Согласно О.А. Леонтович, процедура дискурс-анализа включает в себя несколько этапов:

- выбор текста для анализа;
- формулировка целей (направление исследования);
- собственно анализ [О.А. Леонтович, 2011: с. 116].

Область применения дискурс-анализа очень обширна. С помощью него исследуются тексты как продукты речемыслительной деятельности из различных областей коммуникации.

Такого рода анализ отражает динамику изменения дискурса в процессе коммуникации, позволяет понять, как дискурс связан с ситуацией общения, обосновывает выбор языковых средств для осуществления взаимодействия между участниками речевого процесса.

Метод дискурс-анализа тесно переплетается с корпусной лингвистикой. Объектом корпусной лингвистики являются тексты или массивы текстов, которые успешно используются для выявления определённых языковых явлений, реальное функционирование языка, его закономерности.

Определение «*корпусу*» в своё время дал В.П. Захаров: «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определённых филологических и, более широко, гуманитарных изысканий» [В.П. Захаров, 2003].

Корпусный анализ ставит перед исследователем задачу интерпретации и выявления языковых закономерностей. На помощь исследователя приходят многочисленные программы по обработке корпуса. Из определения Захарова видно, что корпус представляет собой размеченный массив языковых данных. Разметка текста – это приписывание специальных меток текстам. Морфологическая разметка текста является наиболее распространённой, ввиду того, что отражает частеречную принадлежность языковых единиц и отражает признаки грамматических категорий. Существует также синтаксическая разметка текста, отражающая синтаксические структуры предложений.

А.Е. Кибрик в соавторстве с другими учёными в своих исследованиях указал основное свойство, которым должен обладать корпус – «репрезентативность», когда «относительная частота явления

от прибавления каждого последующего фрагмента текста будет изменяться все меньше и меньше, то это означает, что корпус в целом репрезентативен» [А.Е. Кибрик и др., 2006: с. 21]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
2. Бабаян, В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В.Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1.
3. Захаров, В.П. Поисковые системы Интернета как инструмент лингвистических исследований / В.П. Захаров // Русский язык в Интернете: Сб. статей. – Казань: Отечество, 2003. – С. 48–59.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 309 с.
5. Кибрик, А.Е. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования / А.Е. Кибрик, М.М. Брыкина, А.П. Леонтьев // Вопросы языкознания. – 2006. – Вып. 1. – С. 16–45.
6. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
7. Секерина, И.А. Психоллингвистика // Современная американская лингвистика / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобзевой, И.А. Секериной. М. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 231–275.
8. Степанов, В.Н. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / В.Н. Семенов. – СПб.: Роза мира, 2008. – 309 с.
9. Темнова, Е.В. Современные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с.
10. van Dijk, Teun A. (1977) Text and Context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman.
11. Vass, Elisa (1992) Diskursanalyse als interdisziplinäres Forschungsgebiet Universitaet Wien: Diplomarbeit.

Материал поступил в редакцию 01.01.20

APPROACHES TO THE DEFINITION OF “DISCOURSE” AND RESEARCH METHODOLOGY

Zh.A. Malysheva, Master’s Degree Student
Institute of Philology and Intercultural Communication
Volgograd state University, Russia

Abstract. *This article presents various approaches to defining the concept of "discourse" in both a narrow and broad sense. The properties of discourse are briefly described. Methods of discourse research are presented.*

Keywords: *discourse, properties of discourse, research methods.*

УДК 80

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

Н.В. Мелихова, магистрант

Волгоградский государственный университет, Россия

Аннотация. Теория дискурса и методика его описания еще не изучены до конца и находятся только в периоде становления, что влияет на многообразие критериев для обозначения типов дискурса и их наименования. В данной статье анализируется дискурсивная практика, дается ее определение и смысловая нагрузка.

Ключевые слова: дискурс, язык, дискурсивная практика, анализ, лингвистика.

В связи с тем, что теория дискурса и методика его написания еще малоизучены, что влияет на многообразие критериев для обозначения типов дискурса и их наименования, имеет смысл обратиться к фактам, которые даны исследователю в непосредственном наблюдении, поскольку именно они могут подсказать оптимальный способ научного осмысления «дискурсивной реальности». Такой наблюдаемой реальностью можно считать дискурсивную практику. Именно в речевой практике говорящих создаются и изменяются дискурсы. Это обуславливает необходимость систематических эмпирических исследований устной и письменной речи в разных сферах социальной жизни без априори принятой установки о наличии признаков конкретного типа дискурса. Непременным условием эффективности этого поиска является четкое понимание того, что представляет собой дискурсивная практика и каковы ее основные характеристики, актуальные для описания и анализа.

Наиболее четкое определение дискурсивной практики дается в электронном словаре Академик – категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков. Соответственно, в общественной жизни нет и не может быть Дискурса как такового, подобно тому, как нет и быть не может самого Языка (это лишь теоретически оформленная, идеализированная абстракция), но есть и реально-действующие самые различные дискурсивные практики, т.е. осуществляется речевая деятельность. При этом любая форма некодифицируемой и, соответственно, нераспознаваемой речевой практики считается аномалией, языковым нонсенсом – особенно в сфере письменной речи, где достаточно жестко вводятся различные нормы и правила (грамматические, орфографические, стилистические и пр.), а также осуществляется институциональный контроль за их выполнением, начиная от образовательных учреждений и заканчивая средствами массовой информации. За границами этой сферы остается все, что не попадает в поле зрения языковой цензуры и становится отклонением от норм общения ("Наивное письмо"). [1].

Понимание «дискурсивной практики» так же, как и практики вообще, базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении.

В рамках различных методологических установок дискурсивную практику рассматривают в нескольких аспектах:

- 1) как конституирующую часть социальной практики, в ходе которой преобразуется жизнь общества;
- 2) как совокупность приемов продуцирования, восприятия и интерпретации текстов в определенной социальной сфере (в связи с этим популярен анализ метафорических моделей, синтаксических конструкций, эвфемизация и дезэвфемизация и т.п.);
- 3) как «способ говорения» в определенной социальной области или в каком-либо социальном институте, который отражает жизненный опыт и знания участников коммуникации.

Анализ дискурсивной практики обычно концентрируется на том, как при создании текстов их авторы используют уже существующие дискурсы и жанры, а также на том, как получатели текстов применяют свою коммуникативную компетенцию при восприятии и интерпретации текстов.

Иначе говоря, дискурсивная практика – это предрасположенность членов социума вести себя сходным образом (в аспекте речи) в широком диапазоне ситуаций. Например, если в данное время в определенной культуре принято эксплицитировать либо имплицитировать определенные смыслы, то эта особенность будет проявляться во многих различных ситуациях. Так, у русских не принято говорить об ограниченности финансовых средств прямо. Отсюда – косвенные тактики позиционирования недорогих товаров и услуг в рекламе, что выражается, в частности, в эвфемизации.

Дискурсивные практики – динамическая структура. Их изменчивость зависит от различных факторов (культурных, социальных, экономических и др.) Существует даже «языковая мода», которая влияет на наши речевые действия. К числу параметров, формирующих новую дискурсивную практику, мы считаем целесообразным отнести следующие:

– Технически или социально новый коммуникативный канал или носитель информации (SMS-сообщение, транспорт, скамейки или лестницы как рекламный носитель; билборды, используемые для размещения частных сообщений и т.п.). Так, рекламная компания газеты «Труд» является ярким примером обновления «дискурса улицы». Рекламные сообщения были придуманы таким образом, чтобы связать тему труда с ситуацией и пространством города. Слоганы о труде появились на крышах («Вакансий выше крыши»), в подземных переходах («Не обязательно спускаться вниз, чтобы подняться наверх»), на дверях метрополитена («Двери закрываются перед носом?») и даже на сушилках для рук («Можно стоять с протянутой рукой, а можно читать газету „Труд“»).

– Изменение установки, модальности, или, как определял Н. Фэркло, дискурс-строю, под которым понимается «конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном институте или социальном обществе». Поскольку ни один тип дискурса не является замкнутым и завершенным, интерес представляют те изменения, которые отражают речевые (или дискурсивные) практики последнего времени.

Анализ материала показывает, что многие дискурсивные новации объединены общей установкой на «несерьезное общение», или игровой стратегией. Игровая интенция объединяет большое количество текстов, порожденных в условиях общей дискурсивной практики.

Еще одним релевантным для описания новых дискурсивных практик параметром является интеркодировость – совокупность единиц разных семиотических систем, представленных в определенном типе дискурса. Это проявляется в текстовой гетерогенности на уровне формы, обусловленной соединением различных семиотических систем — например, вербальной и визуальной. И в этом смысле феномен интеркодировости напрямую связан с проявлениями интердискурсивности.

Примеры интеркодировости, включающие элементы разных знаковых систем – языковых и неязыковых (числовой, знаков дорожного движения, компьютерных символов и т.п.), в изобилии представлены в сфере нейминга, рекламы и объявлений.

Оставляя за рамками нашего внимания собственно полимодальные тексты, совмещающие коды разных модальностей (комиксы, мюзиклы, кинофильмы и т.п.), обратимся к визуальным, преимущественно графическим кодам, где гетерогенность проявляется на уровне включения генетически неоднородных элементов – графических, пиктографических и др. Для новых дискурсивных практик можно выделить несколько актуальных источников заимствования:

1. буквенно-пиктографические, когда одна из букв представляет собой пиктограмму: магазин «ЧайкОфф» (буква О заменена изображением кофейного зерна); магазин «Килограмм» (буква О – яблоко); ресторан японской кухни «ЯПОША» (буква О – изображение восходящего солнца); бар «ZАжигалка» (А заменено язычком пламени, напоминающим букву А).

2. заимствованные из ПДД: Не прислОняться! (буква О заменена знаком «кирпич»);

3. гетерографические системы:

– числовые системы: А дороги здесь – 3,14 здец! (надпись на автомашине)

– телефонные коды: Магазин продуктов «811»; Пробило колесо? 01! (тел. автосервиса 3-001-001)

– компьютерные коды: Химчистка «Грязи. Net»; Café PIZZA. RU

– VetraNET: теплая коллекция – теплые чувства (магазин курток).

– цветовые коды (в т. ч. смешанные с графическими): Купи Tuborg для твоей вечеGREENки! (логотип и оформление этикетки пива TUBORG выполнено в зеленом цвете).

При всем несходстве коммуникативных сфер и используемых в них лингвистических ресурсов можно выделить некоторые особенности новых дискурсивных практик, которые их объединяют.

На наш взгляд, к ним относятся новые носители информации, игровая стратегия коммуникации, интердискурсивность и интеркодировость (поликодировость). Как показывает анализ, в современной коммуникации стремительно расширяется не только пространство игрового общения, но и спектр приемов, актуализирующих игровые функции языка. Современное сознание становится все более «нелинейным», и это находит отражение в активном взаимодействии элементов разных дискурсов и кодов. Данные феномены можно рассматривать как конституирующий признак новых дискурсивных практик и основание для их дальнейшего анализа и описания.

Таким образом, современные исследования дискурса осуществляются на основе анализа текстов в совокупности с условиями их порождения и восприятия.

В современном анализе дискурса очень часто текст – та единственная сущность, которая дана лингвистам в прямом наблюдении, – используется как источник иллюстративных примеров для подтверждения обсуждаемой теории [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь Академик. Режим доступа: [https://sociology_encyclopedia.academic.ru/306/ДИСКУРСИВНЫЕ_ПРАКТИКИ], (дата обращения 09.01.2020.)
2. Плунгян, В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.

Материал поступил в редакцию 21.01.20

DISCURSIVE PRACTICE

N.V. Melikhova, Master's Degree Student
Volgograd State University, Russia

Abstract. *The theory of discourse and the method of its description have not yet been fully studied and are only in the formative period, which affects the variety of criteria for identifying types of discourse and their names. This article analyzes discursive practice, gives its definition and semantic load.*

Keywords: *discourse, language, discursive practice, analysis, linguistics.*

Literary Studies
Литературоведение

УДК 82-1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

И.К. Мамбетов, ассистент кафедры каракалпакской литературы
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (Нукус), Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются исследования художественной формы в каракалпакской поэзии 30-х годов XX вв. Даются сведения об основах художественных форм каракалпакской поэзии и об этапах их развития. В каракалпакской поэзии исследования художественной формы рассмотрены на примерах как результат влияния поэзии русского стихосложения, а также исследования формы в фольклорных произведениях и творчестве классических поэтов.*

***Ключевые слова:** художественная форма, традиция и новаторство, устное народное творчество, письменная литература, форма и содержание.*

Начало каракалпакской литературы, как и история литературы других тюркоязычных народов, опирается на несколько эпох. На сегодняшний день одной из важных проблем считаются исследования этапов и источников развития формы нашей поэзии, пережившие такой долгий исторический период.

Всем известно, что изучение и исследование особенностей каракалпакской поэзии начались испокон веков. В данный момент наблюдается широкое исследование всех жанров каракалпакской литературы. Это явление в науке показывает на развитие каракалпакского литературоведения.

Учёным известно, что до нынешнего времени проводились исследования формы с научной стороны. Если подробно рассказать о периодах, начиная с 30-х годов XX века, отдельное изучение форменных исканий каракалпакской поэзии дополнило бы каракалпакское литературоведение. Однако были сделаны работы об общих исследованиях формы. Задачи художественной формы были исследованы ранее и эти труды определяют их заслуги.

Поэзия в течение многих веков служит как бесценная сила, воодушевляющая людей своей чувствительностью и изящным содержанием, воспитывающая в их духовном мире красивые чувства. Поэтому она имеет далёкие исторические корни. Насколько глубоко мы изучаем поэзию, настолько являемся осведомленными о её художественных тайнах. Начиная с древних времён, поэзия защищала интересы определённого общества, времени, нации, воспевала их. Поэзия служила средством, формирующим в сознании людей верность, доблесть, любовь к родине.

Особое внимание обратили на задачу исследования в художественных произведениях формы и содержания, например, в трудах Аристотеля «Поэтика», Аль Фарабия «Трактат о поэтическое дарование», Алишера Навои «Мезон-ул авзон» (Критерии ритма), Бабура «Трактат об арузе», Аттауллах Хусайниддина «Метр, аруз и художественность». В этой отрасли плодотворно трудились известные учёные М.Л. Гаспаров, Л.И. Тимофеев, М. Хамраев, З. Ахметов, У. Туйчиев и др. А в каракалпакского литературоведения известны труды С. Ахметова, К. Мамбетова, К. Жаримбетова, К. Муратбаева, К. Уразимбетова, Б. Генжемуратова, М. Мамбетовой, А. Хамидовой, О. Гайлиевой, А. Досымбетовой. Однако в этих трудах глубоко не исследовались особенности форм поэзии начало 20-30-х гг. XX века. Но в некоторых трудах упоминаются о поэзии этого периода, хотя недостаточно широко. Несмотря на это, исследование форменных особенностей поэзии говорят о развитии нашей литературы.

В художественном произведении форма исследуется в сравнении со содержанием. Многие литературоведы доказывали, что форма и содержание неотделимые друг от друга понятия и указывали на связь между ними. Однако, множество и тех, кто отдельно изучает форму художественного произведения. Их в конце XIX в начале XX века называли представителями школы формализма. К их

числу можно отнести: А.Н. Веселовского, Б.В. Томашевского, Г.А. Гуковского, В.М. Жирмунского, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Е.Г. Эткинда, Ян Мукаржевского, М.М. Бахтина.

Исследователи приводят сведения об одностороннем развитии исследований формы и несоблюдении единства содержания и формы в каракалпакской поэзии 20-30 гг XX века.

И вправду, в перечисленных названиях поэзии того периода можно обнаружить, что в творчестве поэтов исследования формы построены по схеме, там вместо содержания чувствуется превосходство формы, об этом отмечали много раз и этим проблемам не уделяли особого внимания. И в самом деле в поэзии того периода известно, что поэты, использовавшие в качестве идеологического средства, писали стихи, построенные в пустых призывах. Не секрет, что поэзией высокой эстетики считались стихи только из-за того, что в них были описаны явления в социальной и политической жизни, хотя приведенные в них высокопарные пустые призывы не были пронизаны эстетичной.

Если до XX века представители каракалпакской литературы представляли свои произведения народу в устных и рукописных видах, то к XX веку этот процесс изменился, в результате мы увидели быстрое развитие нашей литературы. Каждый поэт оформляет свое произведение художественно, используя все возможности народного языка. Стиль поэта можно узнать, как они могут использовать литературный язык и создавать какую-то новость в своих произведениях. А художественная форма произведения определяется стилем [3].

В художественном произведении содержание и форма изучаются сравнительно. Чтобы художественное произведение достигло всестороннюю художественность, оно должно иметь вместе с содержанием и формой. Диалектное единство содержания и формы – это одна из самых необходимых закономерностей художественности. На национальную поэзию 20-30 гг XX века множество изменений внесли поиски новых форм. Обычно мы чувствуем смысл художественного произведения через его форму.

«Новая форма служит не только выражением смысла произведения, но и служит для замены устаревших, потерявших художественность форм слова» [4]. Для обогащения содержания и формы поэзии важны и язык, и схожесть, и ритм, и строки. Когда говорим о проблеме мастерства, обращаем внимание на эти стороны. Все равно для удачного стихосложения трудно определить только при помощи ритма или метра. Использование художественной формы от каждого поэта требует особого мастерства.

Формирование письменной литературы, и занятие ею ведущего места. Они, в основном, опирались на устное народное творчество и развивали творчество по фольклорным традициям, обогатили каракалпакскую поэзию, с точки зрения формы и содержания. Основными традиционными формами в каракалпакской поэзии были фольклорный жанры и историческая поэма, а позже в каракалпакскую литературу вошли четырехстрочные стихотворения [1].

При разборе художественной формы всех лирических произведений, можно обнаружить исследования поэтов, живших в различные эпохи. Потому что художественное творчество не означает использование в готовом виде определенной художественной формы. Будь то поэт, будь поэт-сказитель – все они обязательно проводят искания со стороны формы. В художественной доставке мыслей, в придании чувств, исследования, касающиеся формы, были и раньше и будут завтра. Вот поэтому в каждом высокохудожественном произведении форма рождается заново [2]. А высокохудожественная форма, которую творили другие – является школой учения для каждого писателя.

Художественная, эстетическая и эмоциональная окраска стиха должна соответствовать размеру, рифме, интонации, форме и содержанию каракалпакской поэзии. Каждый поэт, несмотря на то, в какое время он жил, оставил литературное наследие об истории и достижении своего времени. Сегодня каждый поэт развивает его по-своему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметов, С. Адебият хам критика. / С. Ахметов. – Нукус, Каракалпакстан, 1978. – 325 с.
2. Оразимбетов, К. Хазирги каракалпак лирикасында коркем формалардын эволюциясы хам типологиясы. / К. Оразимбетов – Нукус, Знание, 2004. – 289 с.
3. Поспелов, Г.Н. Проблемы литературного стиля. / Г.Поспелов. – Москва, МГУ, 1970. – 330 с.
4. Шкловский, В.О теории прозы. / В. Шкловский. – Москва, Советский писатель, 1983. – 384 с.

Материал поступил в редакцию 09.01.20

ART FORM RESEARCH IN KARAKALPAK POETRY

I.K. Mambetov, Assistant at the Department of Karakalpak Literature
Karakalpak State University named after Berdakh (Nukus), Uzbekistan.

***Abstract.** This article discusses the search for art forms in Karakalpak poetry of the 20-30s of the 20th centuries. Information is given on the foundations of the artistic forms of Karakalpak poetry and on the stages of its development. In Karakalpak poetry, studies of the artistic form are considered as examples as a result of the influence of Russian poetry versification, as well as the study of form in the folklore and works of classical poets.*

***Keywords:** art form, tradition and innovation, oral folk art, written literature, form and content.*

УДК 82

ЖАНР ДРАМЫ В КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.К. Мамбетова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
 Каракалпакский филиал Академии наук Республики Узбекистан (Нукус), Узбекистан

***Аннотация.** В статье обсуждаются вопросы о жанрах каракалпакской драмы. Анализируется формирование драматического жанра и этапы возникновения его развития каракалпакской драматургии. Обсуждаются вопросы изучения жанра и его место в драматургии. Определены роли литературных отношений в развитии каракалпакской драматургии и жанров драмы. Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрели проблемы творческого направления времен формирования драматургии.*

***Ключевые слова:** театр, драматургия, драма, комедия, трагедия, литературные связи.*

Новые исследовательские задачи стоят сегодня перед наукой. И одна из них – это изучение одного из крупных литературных жанров драмы и ее видов: драмы, трагедии, комедии, мелодрамы, трагикомедии и др. Следует отметить, что жанры художественной литературы все еще малоизученная проблема. Классификация художественных жанров в большинстве случаев осуществляется условно.

Классифицируя жанровые виды драмы в каракалпакской литературе, теоретически характеризуя их, мы оцениваем их, в первую очередь, исходя из их национальных драматических возможностей.

Жанр драмы в каракалпакской литературе возник в 20-е годы прошлого столетия и в настоящее время свое развитие получили его виды.

Драма является одним из трех видов литературы и делится на следующие подвиды: трагедия, комедия, драма, мелодрама, трагикомедия.

Рассматривая проблему творческого направления времен формирования драматургии, следует отметить, что в 20-е годы XX вв в каракалпакской драматургии преобладали такие жанры, как комедия, драма и трагедия. В творчестве А. Утепова чувствовалась влияние узбекского драматурга Хамзы и казахского драматурга Б. Майлина. Работая над своими комедиями, он учился у этих писателей.

Когда заходит речь о жанре драмы, мы должны отметить труды русского исследователя В. Фролова «Судьбы жанров драматургии» [6], труды казахского ученого А. Тажибаева [5]. В них глубокие теоретические мысли о жанровых признаках драматургии.

В своих трудах Т. Алланазаров утверждает: «При создании своих драматических произведений К. Ауезов опирался на опыт казахского драматурга С. Сейфуллина, а при написании своих трагедии С. Мажитов у казахского драматурга Ж. Шанина». Далее справедливо отмечает: «А. Утепов, который начал свой творческий путь с создание небольших комедии, широко использовал богатые драматические формы, он обогатил их новым содержанием. К. Ауезов и С. Мажитов начали свои первые шаги с создания драматических произведений крупных форм. В своих первых драмах он больше тяготели к образцам европейской письменной драмы-построению драматических сюжетов, в создании драматических образов, в использовании реалистических красок в построении драматических ситуаций [1].»

В формировании драматического жанра большое влияние оказали драматурги соседних республик. В каракалпакской драматургии большое место занимали такие виды, как комедия, трагедия, драма, музыкальная драма. За последние годы в каракалпакской литературе появилась и трагикомедия. К этому жанру относятся пьесы К. Рахманова «Приглашение на тот свет», М. Нызанова «Жертва двух сторон мира».

Яркими представителями драматического жанра в каракалпакской литературе являются С. Мажитов, К. Ауезов, А. Утепов, Ж. Аймурзаев, М. Дарибаев, Н. Давкараев. Позже этот жанр разрабатывали С. Хожаниязов, Т. Жумамуратов, П. Тилегенов, Т. Сейтжанов, И. Юсупов. Их ряды

пополнили К. Рахманов, О. Абдирахманов, К. Матмуратов, А. Уталиев, К. Абдреимов, С. Жумагулов, М. Нызанов. Достойное место на подмостках театров заняли переводные пьесы русских классиков, представителей Западной Европы, тюркоязычных народов. В свою очередь, лучшие произведения каракалпакских драматургов были переведены на русский, узбекский, киргизский, таджикский, туркменский, казахский языки и поставлены на сценах их национальных театров.

Одним из первых каракалпакских драматургов был К. Ауезов. В 1925 году он написал свою драму «На пути желания». Хотя в его творчестве драма и не занимала основного места, в количественном плане: содержательность и распространенности, им нужно отдать должное. Они давали возможность говорить о нем, как о видном драматурге [2].

Изучению жанра драмы каракалпакские ученые уделяли должное внимание. Среди литературоведов изучавших этот жанр, были К. Айымбетов, М. Нурмухамедов, Т. Алланазаров, Т. Баяндиев, С. Ахметов, Б. Турсынов, К. Камалов и др. И сегодня в той или иной мере эти проблемы освещаются. Но сказать, что в достаточной мере мы не можем. Сегодня это проблема является одной из главных в современной литературе.

Как отмечалось выше, одним из первых в каракалпакской литературе драматические произведения создал К. Ауезов. Много ценных мыслей высказали ученые о его драме «На пути желания».

В 20-е годы в каракалпакской литературе появились разноплановые произведения. Тематика их была широка-национально освободительная борьба каракалпакского народа против Хивинского хана.

Анализируя пьесу К. Ауезова «На пути желания» Т. Алланазаров пишет: «Автор не ограничивается показом восстания, он стремится в широком плане и полностью охватить народный характер, т. е широкоплановое историческое событие отображается посредством нового метода, построения масштабного сюжета».

Здесь автор изображает тяжелую долю трудового народа в условиях начала XX века. По мнению д.ф.н. Н. Жапакова, «Казу (очистка канала М.М.) были самой тяжелой работой в жизни каракалпакского народа. Эти работы оказывали воздействие на формирование людей как класса. Казу являлась исторической действительностью, с другой стороны, именно эти работы являются зачином драматической сюжетной линии пьесы [3]. В целом это драма подвергается детальному анализу в работе Т. Алланазарова «Театр и драматургия».

Поэт М. Сейтнийзов в своей статье «Успехи и неудачи драматургии» отмечает: «По сравнению с поэзией и прозой, жанр драматургия развивался несколько медленнее. Видимо, это связано с особенностями жанра и сценическими сложностями». Автор анализирует здесь ряд произведений драматургии, написанными на невысоком художественном уровне. Пьеса Ж. Аймурзаева «Родник жизни» посвящен новой проблеме – проблеме воды. Но автор не смог раскрыть ее и это вынуждает нас критиковать пьесу. Событие изображается весьма поверхностно. Люди здесь разговаривают не как в обычной жизни» [4].

Заслуживает внимание статья К. Султанова «О некоторых проблемах современной драматургии», а также выступления ряда других ученых-критиков на страницах республиканских газет и журналов.

За последние годы ряд новых драматических произведений создал известный писатель С. Жумагулов. В драме «Отчий край» (одноактная пьеса в шести картинах) говорится о современной жизни, о том, что некоторая часть молодежи не может по достоинству оценить такие чувства, как любовь, уважение к родне.

В целом, жанр драмы в каракалпакской литературе, как у других тюркоязычных народов, прошел свои этапы формирования и развития. Драматург М. Нызанов отметил: «Однако, наряду с этим, следует отметить, что наши критики не в достаточной мере уделяют внимание этому вопросу». Действительно, это проблема – одна из самых актуальных в нашей литературе и ждет своего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алланазаров, Т. Театр хэм драматургия / Т. Алланазаров. – Н.: Каракалпакстан, 1979. – С. 35.
2. Алланазаров, Т. Театр хэм драматургия / Т. Алланазаров. – Н.: Каракалпакстан, 1979. – С. 38.
3. Алланазаров, Т. Театр хэм драматургия / Т. Алланазаров. – Н.: Каракалпакстан, 1979. – С. 39.
4. Журнал Амударья / Н.: – 1970. – № 10 – С. –73.
5. Тажибаев, А. Казак драматургиясының дамуы мен қалыптасыуы / А. Тажибаев. – А.: Ғылым 1978.
6. Фролов, В. Судьбы жанров драматургии / В. Фролов. – М.: Советский писатель, 1979.

Материал поступил в редакцию 09.01.20

DRAMA GENRE IN KARAKALPAK LITERATURE

M.K. Mambetova, Candidate of Philological Sciences,
Senior Research Officer
Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities
Karakalpak branch of the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan (Nukus), Uzbekistan

***Abstract.** The article discusses questions about the genres of Karakalpak drama. The formation of the dramatic genre and the stages of its development in the Karakalpak drama are analyzed. The issues of study and its place in drama are discussed. The role of literary relations in the development of the Karakalpak drama and drama genres is determined. Thus, in this article we examined the problems of the creative direction of the formation of dramaturgy.*

***Keywords:** theater, dramaturgy, drama, comedy, tragedy, literary connections.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

УДК 82-312.1

**РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА В МОДЕЛИРОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНОВ К. АБЭ И К. ИСИГУРО**

М.В. Беляева, магистрант

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются общие принципы моделирования художественной реальности в романистике Кобо Абэ и Кадзуо Исигуро, основанные на мировоззрении японского дзен-буддизма и синтоизма. Актуальность выбранной темы может быть обоснована популярностью рассмотрения в современном литературном процессе конфликта и, одновременно, синтеза художественных традиций Запада и Востока. В статье подвергаются литературоведческому анализу романы «Женщина в песках» и «Безутешные». Роман К. Абэ неоднократно изучался с точки зрения символики и философии экзистенциализма, вычленение элементов восточных религий в ткани романа никогда не являлось основной целью исследований. Роман К. Исигуро «Безутешные» почти не рассматривался в русскоязычном литературоведческом пространстве, в связи с чем анализ его идейно-структурной концепции в русле японской литературной традиции можно считать обоснованным. Основная цель данной работы: выявить элементы восточного мировосприятия и определить их роль в моделировании художественного пространства в обозначенных романах К. Абэ и К. Исигуро. Творчество этих писателей может быть сопоставлено на основе их культурного дуализма, ориентированности на направления западного литературного процесса, и в то же время приверженности сфере восточного мировоззрения. Исследование проводилось с использованием биографического, культурно-исторического, герменевтического, формального и компаративного методов анализа. Исследование романов К. Абэ и К. Исигуро с точки зрения восточных философий дзен-буддизма и синтоизма позволит обнаружить новые оттенки смыслов в идейной концепции авторов, которые невозможно вычленить и объяснить, анализируя данные произведения только в русле европейской литературной традиции, игнорируя контекст японской культуры.*

***Ключевые слова:** К. Абэ; К. Исигуро; художественная модель; дзен-буддизм; синтоизм.*

К. Абэ один из первых японских писателей-западников. В его романах и пьесах японская реальность включена в западные сюжетные, композиционные и жанровые формы модернизма. Элементы произведения, характерные для восточной литературной традиции остаются в подтексте, не являются доминантными в раскрытии идеи романа или пьесы. Так, К. Рехо отмечает нетрадиционное изображение природы, конфликт с ней, в то время как для традиционной культуры и религии синтоизма свойственна гармония природы и человека: «Мир природы предстает у Абэ Кобо не в поэтических связях, не как объект возвышенных лирических переживаний, а во всей конкретности своего материального бытия». [8, с. 136] Поверхностность западного влияния в творческой манере писателя подтверждает и П. Вайль, считая, что ориентация на европейских и русских писателей, художников и музыкантов есть признак «общий для подавляющего большинства японских писателей XX века. И, рассуждая о идейной составляющей «Чужого лица» (1964), приходит к выводу, что «такую книгу мог написать только японец», имея в виду одержимость автора внешней формой вещей. [3]

К. Исигуро – британский писатель, имеющий японские корни, и, следовательно, воспитанный в контексте двух культур. Под масками его британских дворецких и музыкантов скрываются японские самураи и буддистские монахи. В. Никитин, рассматривая стиль романа «Остаток дня», отмечает, что чистый английский язык К. Исигуро – это «холодные японские иероглифы, переведенные в английские слова». [7] Д. Быков видит в творчестве британского писателя преодоление острого

конфликта Запада и Востока, выразившегося в соединении «восточного фатализма и западного отчаяния, что создает трагическое напряжение, трагическую динамику его прозы». [9] Анализируя «Остаток дня», Л.Ф. Хабибулина приходит к выводу, что «носителем истинной “английскости” в романе является лишь лорд Дарлингтон», в то время как «“английскость” Стивенса в романе является фикцией, так как он реализует своим поведением эталон служения, соотносимый с японским кодексом бусидо». [10, с. 134]

Исходной точкой сопоставительного анализа станет концепция моделирования художественного пространства. Объектами анализа выступают роман К. Абэ «Женщина в песках» (1962) и роман К. Исигуро «Безутешные» (1995).

Моделирование художественной реальности включает в себя совокупность методов воссоздания значимых в идейном плане аспектов действительности на мотивном, проблемном, образном, повествовательном, композиционном и других уровнях организации художественного произведения. «Художественное произведение объективно может быть истолковано как художественная модель всеобщего, совокупного бытия, которая воссоздает его сущностные, наиболее значимые аспекты: сложное взаимодействие материального и духовного, созерцательно данного и сущностно-неявного, взаимосвязь всех элементов в целостном единстве, временные и пространственные характеристики, способность к становлению и развитию, индивидуальность и единичность, вбирающие в себе всеобщность и множественность, субъективность и объективность в их диалектической взаимосвязи». [2]

К. Абэ и К. Исигуро моделируют пространство своих романов, соотносясь с буддистским мировоззрением, в котором время и пространство являются замкнутыми системами изменчивости: всё бытие рождается из небытия и, пройдя жизненный цикл, возвращается в исходную точку. Небытие есть начало и конец существующей реальности, само небытие согласно восточному мировосприятию и есть истинная реальность. Более того, эта система изменчива: в ней тьма и свет постоянно приходят на смену друг другу. Т.П. Григорьева в монографии «Японская художественная традиция» объяснила цикличное восприятие мира стремлением «открыть систему» изменения вещей, чтобы «предвидеть, что с ними произойдет в следующий момент». [5, с. 65] Такое буддистское понимание окружающего мира и лежит в основе пространственно-временной организации романов японского и британского авторов.

Наиболее наглядное противопоставление тьмы и света представлено в романе К. Абэ «Женщина в песках». Здесь двумя контрастными символами являются песок и вода. Песок представляет собой аллюзию на современное общество, несущее разрушение всему окружающему, с одной стороны, и утрату прошлой жизни, воспоминаний, устремлений Ники Дзюмпей с другой. Но в глобальном смысле песок символизирует смерть как универсальную силу, превращающую бытие в небытие. Вода в романе выступает в двух значениях: локально – обозначает обновление в мировосприятии героя, глобально – символизирует энергию жизни. Закономерно, что воду Ники находит, копая песок, то есть жизнь появляется из смерти, бытие из небытия. Помимо символического буддизм присутствует и в композиционной организации повествования. К. Абэ вводит героя во временной цикл. Ники Дзюмпей, попав в яму, старается выбраться, борется с песком – истинной сущностью мира, но постепенно смиряется и растворяется в этом песчаном небытии, но затем, вместе с обнаружением водного источника, снова возвращается к жизни. Находит в ней цель и смысл: «Теперь в его руках билет в оба конца – чистый бланк, и он может сам, по своему усмотрению заполнить в нем и время отправления, и место назначения». [1]

И, наконец, сам локус романа представляет собой буквальную иллюстрацию цикла жизни и смерти. Песчаная деревня вся состоит из ям, в которых располагаются дома местных жителей, ежедневно выгребающих песок, чтобы уберечь от песчаной смерти свой дом и всё поселение в целом. Здесь можно выделить два цикла: суточный и исторический. Суточный цикл включает в себя дневное заметание ям песком и ночной вывоз этого песка местными жителями – так парадоксально днём властвует смерть, а ночью с ней борется жизнь. Историческое же время подразумевается в утверждении героя, что деревня, несмотря на все усилия рабочих, всё же будет засыпана песком, мировой цикл завершится, жизнь умрет, чтобы снова возродиться.

В романе К. Исигуро «Безутешные» концепция пространственно-временной организации несколько иная, но всё еще соответствующая циклическому мировосприятию. Интересно, что в предыдущем романе писателя – «Остатке дня» – реальность линейна, то есть сконструирована в соответствии с христианским мировоззрением, в то время как сам герой, дворецкий Стивенс, мыслит в

категориях восточного сознания. Именно в этом романе наиболее явна антиномия Запада и Востока и в то же время их гармоничный синтез.

В романе «Безутешные» и сознание героя, пианиста Райдера, и художественный мир являются характерными для замкнутой системы времени и пространства.

Многие отмечали влияние пражского писателя Ф. Кафки на концепцию данного романа. Формально он действительно напоминает «Замок» (1926), но идейно-семантическая составляющая романного пространства совершенно иная. В центре художественной реальности романа «Безутешные» находится отель, вокруг которого располагается остальной город, но в то же время Райдер упоминает, что художественная галерея отеля огибает весь город, берет в круг всё городское пространство. В романе все составляющие сводятся к цикличной системе бытия. Единственный трамвай отправляется от отеля, проходит маршрут вокруг города и снова возвращается к отелю. Вместе с тем все путешествия Райдера внутри этого замкнутого мира тоже представляют собой круг. От гостиницы он отправляется к ресторанам на встречу с Софи, затем провожает ее и Бориса к дому, но по дороге теряет Софи из виду и с помощью Штефана снова возвращается в отель. Позже он отправляется с Хоффманом на светское мероприятие, и снова выехав из отеля, они возвращаются к нему, только, как кажется Райдеру, с другой стороны. И так происходит из раза в раз: все пути спустя какое-то время приводят героя к исходной точке. Это создает закон художественной реальности данного произведения, согласно которому, к отелю можно попасть, только совершив круг. Когда Райдер направляется на «вечер в четверг» по прямой, то неожиданно натывается на стену прямо посреди улицы: «Купол (концертного зала) находился в одном или двух кварталах от меня, сразу после поворота. <...> Но за поворотом обнаружилось странное зрелище. Чуть впереди, перегораживая мне дорогу – собственно говоря, перегораживая всю улицу, – возвышалась кирпичная стена». [6, с. 466] Препятствие заставляет его долго *кружить* в поисках пути к нужному зданию. Из этого мы можем сделать вывод, что Исигуро, как и К. Абэ, заикливает художественное пространство своего романа.

Категория времени подчиняется тому же принципу, что и категория пространства. Принцип повторяемости событий подразумевает, что время в восточном сознании движется по спирали и таким образом одни временные пласты совмещаются с другими, одна реальность накладывается на другую. Это можно видеть, когда в новых и малознакомых вещах Райдер неожиданно различает предметы, близкие его личности. На месте гостиничного номера герой видит собственную детскую комнату, в которой когда-то играл в солдатиков, красная проржавевшая машина перед художественной галереей внезапно становится машиной его родителей, на которой его возили в школу. Подобное восприятие реальности отсылает к такому явлению в японском дзен-буддизме, как *сатори* – озарение, постижение сути мира в одно мгновение, в одну мысль. Это примерно соответствует состоянию Ники Дзюмпея на краю песчаной ямы, когда к нему приходит осознание своего предназначения. Но, в отличие от героя К. Абэ, на персонажа К. Исигуро опыт *сатори* не оказывает психологического воздействия, не трансформирует его личность.

Существенную смысловую нагрузку несет на себе система персонажей в романе К. Исигуро. Нельзя не заметить, что все мужские персонажи представляют собой подобие дублей Райдера, но не являются идентичными его собственной личности. С Райдером их объединяет общая проблема умалчивания, рассматриваемая К. Исигуро на протяжении всего писательского пути в различных литературных формах. Писатель наделяет рассказчика функциями повествователя, создавая иллюзию общего сознания Райдера и остальных героев романа: если Райдер начинает диалог с новым собеседником, он почти всегда знает, что именно является причиной его внутреннего диссонанса. Данную механику повествования можно также объяснить состоянием *сатори*. Повторяющееся время в восточном цикле подразумевает повторение схожих событий и личностей в каждом следующем цикле. В художественной реальности романа «Безутешные» происходит наслаивание не только временных циклов, но и сознаний разных личностей.

Такой прием объединения сознаний персонажей в одно целое позволяет детальней рассмотреть мотив молчания внутри проблемы памяти каждого из объектов данной системы, одновременно создавая метавселенную, в которой замкнутые миры персонажей пересекаются с объединяющим их в целое сознанием Райдера. Но знаменитый пианист движется к завершению цикла вместе с остальными персонажами. К. Исигуро объяснял выбранную форму сюрреалистического повествования механикой сна, но Райдер не является спящим, он не управляет своим сознанием: садясь в трамвай, который носит символическое название «утренний кольцевой», и, решая проехать весь эллипсоидный маршрут, герой подчиняется законам существующей реальности и таким образом завершает цикл

своего пребывания в городе. Он упоминает, что через несколько часов у него самолет до Финляндии: «Мне нужно в отель – паковать вещи. Видите ли, этим утром у меня самолет в Хельсинки». [6, с. 636] Здесь стоит вспомнить, что в момент приезда в город у Райдера в сознании оставалось лишь одно воспоминание – как он летел в самолете – это и есть начало и конец, своеобразное небытие из которого затем рождается бытие героя.

К. Абэ в романистике изучает человеческую сущность на примере психологии личности одного человека. Он не выстраивает систему характеров подобно британскому писателю. Но это отсутствие несет свою смысловую нагрузку. Намеренный отказ К. Абэ от создания системы психотипов можно назвать как следованием традициям модернизма, так и минус-приемом, подчиненным всё той же философии дзен-буддизма, что в контексте японской культуры представляется схожими явлениями. Японцы приняли литературу модернизма и экзистенциализма, привязав ее к японскому буддизму, в котором, в отличие от классического учения, у каждого свой, индивидуальный путь к просветлению, на основе своего опыта, что согласованно укладывалось в экзистенциальный поиск личностью своего места в окружающей реальности. Таким образом, психология героя К. Абэ согласуется как с философией экзистенциализма, так и с учением буддизма, объединяя в едином художественном пространстве две литературные традиции.

В конструировании художественной реальности романов К. Абэ и К. Исигуро участвует не только философия буддизма, но и синтоистская философия и вера в *ками*. К. Рехо утверждает, что изображение природы у К. Абэ не является традиционным для мировоззрения японца, но, не отрицая этого положения, можно все-таки отметить черты синтоистских верований в созданных им образах. [8, с. 136] Песчаные потоки наделены личностью, характером, что свойственно религии синтоизма, где буквально каждое природное явление или материальный предмет, от солнца – богини Аматерасу – до разбитой чашки, становится пристанищем духов природы. С песком борются, как с живым чудовищем, жаждущим поглотить небольшую приморскую деревушку. Но он у писателя не маркирован как строго положительная или отрицательная стихия. С одной стороны, он предстает разрушителем жизни Ники Дзюмпея, но, с другой, дает ему совершенно новое осознание реальности и смысла своего существования. Главное свое открытие, изобретение механизма для получения пресной воды, герой делает именно благодаря враждебному, как казалось ранее, песку. Это снова отсылает к синтоистскому миропониманию таких базовых категорий, как добро и зло. В отличие от всё того же христианского или даже буддистского мировоззрений, данные понятия не конфликтуют друг с другом, не маркируют полярно противоположные позиции. Плохой объект или хороший определяется лишь его практической ценностью, ролью по отношению к другим объектам реальности, поэтому, когда песок выступает в роли неприступной преграды, не дающей герою сбежать и вынуждающей его ежедневно бороться с собой, он является в негативном свете, но, когда песок дает Ники Дзюмпею перспективу новой жизни, он обретает положительные качества. Герой остается жить в песчанной яме, потому что наконец достигает главной цели, заложенной в философии синтоизма – гармонии с природой и людьми.

Одухотворение предметно-стихийного мира наблюдается и в других художественных работах К. Абэ. Например, в романе «Чужое лицо» (1964) признаки определенного психотипа получает маска. Писатель наделяет её эксцентрической личностью со склонностями к нарциссизму, эгоцентризму и садизму. Использование образа маски отсылает как к традиционному японскому театру Но, где каждая маска отражает конкретный характер, так и к синтоистскому верованию в способность злых духов вселяться в маски и вредить людям.

Помимо этого, если пространство деревни основано на буддистской циклической форме восприятия времени и пространства, то сам характер поселения создан на основе синтоистской философии, где общее важнее индивидуального. Каждый житель этого песчаного острова отгребает песок из своей ямы, чтобы не занесло дома остальных поселенцев. Женщина, в плен к которой попадает Ники Дзюмпей, живет и трудится в одиночестве, но не хочет покинуть яму, потому что считает, что если заметет ее дом, то деревня будет обречена: «Деревня еще как-то может жить только потому, что без усталости отгребает песок. А если мы перестанем копать, ее занесет песком меньше чем за десять дней – и ничего от деревни не останется...» [1] Здесь реализуется один из основополагающих принципов синтоизма – служение общему делу, вклад одного человека в существование и развитие всего общества.

В романе К. Исигуро элементы философии синтоизма не столь очевидны, но, как и у К. Абэ, они играют важную роль в формировании образов объектов художественного мира. В системе персонажей нет ни одного отрицательного характера. Каждый из героев глубоко несчастен, но его нельзя

обозначить как плохого или хорошего, антагониста или протагониста. Это соответствует всё той же неопределенности категорий добра и зла, с учетом еще и такого понимания человеческой сущности, согласно которому «человек по своей природе изначально безгрешен, и мир, в котором он живет, тоже хорош, ибо это мир ками». [4, с. 149] Различные же грехи и злодеяния воспринимаются как болезни, насылаемые злыми духами, как явления временные, от которых человек способен излечиться, поэтому герои К. Исигуро – это фактически хорошие люди, которые не в состоянии излечиться от своих болезней-пороков.

В романе «Безутешные» тема болезни напрямую связана с одушевлением вещного мира. Неодушевленные предметы действуют на равных с одушевленными персонажами, создавая параллели характеров и их отношений. Многочисленные смысловые нити тянутся от игрушечного футболиста Бориса, Номера Девять. Символика игрушки не сопоставлена с каким-либо конкретным характером произведения, она выступает идентификатором личностей мальчика, Райдера, Штефана, Хоффмана, Густава – всех мужских персонажей романа. В своем рассказе о Номере Девять, Борис восторженно восклицает: «Номер Девять на сегодня лучший игрок за всю историю! <...> Когда он в ударе, никакой защитник его не остановит!» [6, с. 65] Но именно его, своего любимого игрока, когда тот ломается, Борис кладет в коробку и забывает в старой квартире. Райдер описывает игрушечного футболиста как игрока, который весь матч капризничает, находясь в стороне и давая вражеской команде забивать голы, а затем вступает в игру и с фантастической легкостью приводит команду к победе. Таково поведение и героев романа, но сценарий событий в реальности игрушки предсказуем и управляем, в отличие от сценария событий в судьбе героев. По этой причине, спустя несколько лет невмешательства, у Райдера не выходит наладить отношения с семьей, у Бродского и Хоффмана – с женой, у Бориса – с отцом, у Густава – с дочерью, у Штефана – с родителями.

Если первая болезнь названа невмешательством, то вторую можно обозначить как эгоцентризм, и символом её выступает «рана» Бродского, его протез. У каждого из героев есть эта рана – следствие или причина невмешательства. Для Райдера этой раной являются его отношения с родителями, болезненные воспоминания о ссорах матери и отца, которые порождают игнорирование проблем в своей настоящей семье. Подобная ситуация наблюдается и в личности Штефана. Все болезни героев К. Исигуро заложены в прошлом и, следуя буддистско-синтоистской логике, вступив в новый временной цикл, личность должна исцелить свои прошлые «раны», но писатель не стремится четко следовать философии восточного мировоззрения: его герои совершают одни и те же ошибки, мир не становится лучше. Это приводит к выводу, что мир К. Исигуро, в отличие от мира К. Абэ, где герой всё же находит свое призвание, каким бы оно ни было, не подразумевает спасения.

На основе проведенного анализа мы можем сделать заключение, что К. Абэ и К. Исигуро моделируют художественную реальность романов, эстетически осмысливая мировоззренческие категории религии японского дзен-буддизма. Буддистское мировоззрение проявляется в заикливании авторами времени и пространства произведений, конструировании хронотопа как эллипса. Помимо этого, К. Исигуро и К. Абэ используют психологическое состояние *сатори* в сочетании с философией экзистенциализма в качестве средства наиболее полной реализации идейной концепции произведений. Исконная религия Японии, синтоизм, также находит воплощение в концепции создания образов объектов художественной реальности и логике их поведения и взаимодействия друг с другом. Предметный мир романов «Женщина в песках» и «Безутешные» одушевляется, вещи обретают не только символику, но и признаки сознания человеческой личности, что позволяет авторам нагляднее иллюстрировать затрагиваемые ими проблемы самосознания и отношений с социумом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абэ, К. Женщина в песках. пер. с япо. В. Гривнин. / К. Абэ // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова, 2005. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/KOBO/zhenshina.txt>. (дата обращения: 10.12.19).
2. Астрахан, Н.И. Художественное моделирование: теоретико-литературный аспект / Н.И. Астрахан // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 11. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-modelirovanie-teoretiko-literaturnyy-aspekt> (дата обращения: 22.11.19).
3. Вайль, П. Всё – в саду / П. Вайль // Сетевое издание «Горький». 2017. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/4/vsyo-v-sadu.html>. (дата обращения: 24.11.19).
4. Вудард, У. Синтоизм: Древняя религия Японии / У. Вудард, С. Оно – М.: София, 2007. – 160 с.
5. Григорьева, Т.П. Японская художественная традиция / Т.П. Григорьева. – М.: Наука, 1979. – 368 с.
6. Исигуро, К. Безутешные / пер. с англ. С. Сухарева / К. Исигуро. – М.: Э., 2017. – 640 с.
7. Никитин, В. Голос из лакейской. Опыт прочтения романа Кадзуо Исигуро «Остаток дня» /

В. Никитин // Журнальный мир. – 2018. Режим доступа: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/content/golos-iz-lakeyskoj>. (дата обращения: 22.11.19).

8. Рехо, К.Я. Современный японский роман / К.Я. Рехо. М.: Наука, 1977. – 304 с.

9. Смирницкий, Я. Дмитрий Быков – о новом «Нобеле» по литературе Кадзуо: узревший несвободу / Я. Смирницкий // LiveJournal. 2017. Режим доступа: <https://ru-bykov.livejournal.com/3104915.html>. (дата обращения: 20.11.19).

10. Хабибулина, Л.Ф. Японский контекст романа К. Исигуро «Остаток дня» / Л.Ф. Хабибулина // Филология и культура. – 2012. – № 1 – С. 130–135.

Материал поступил в редакцию 27.12.19

THE ROLE OF RELIGIOUS RITUAL IN MODELING OF THE LITERARY SPACE IN THE NOVELS BY K. ABE AND K. ISHIGURO

M.V. Belyaeva, Master's Degree Student
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russia

Abstract. *The general concepts of modeling of literary reality in the novelism of Kobo Abe and Kazuo Ishiguro are considered in the article, which are based on Japanese Zen Buddhism and Shinto religions' worldview. Importance of the topic could be justified by as the process of conflict of literary traditions of the West and the East as their fusion. Novels The Woman in the Dunes and The Unconsoled are subjected to literary analysis in the article. Kobo Abe's novel has been repeatedly studied from the point of symbolism's view and philosophy of existentialism, but marking of Eastern religions' elements in the structure of the novel has never been the main purpose of the research. Kazuo Ishiguro's The Unconsoled has hardly been analysed in Russian-language literary space, for this reason, the analysis of his ideological-structural concept in line with the Japanese literary tradition can be considered justified. The main purpose of the work is identification of elements of the Eastern worldview and define of their role in modeling of literary space in the designated novels by K. Abe and K. Ishiguro. The work of these writers can be compared on the basis of their cultural dualism, orientation to the directions of the Western literary process, and at the same time commitment to the sphere of the Eastern worldview. The study was conducted using biographical, cultural-historical, hermeneutical, formal and comparative methods of analysis. The research of the novels by K. Abe and K. Ishiguro from the point of view of the Eastern philosophies of Zen Buddhism and Shintoism will reveal new shades of meaning in the ideological concept of the authors, which cannot be isolated and explained by analyzing these works only in line with the European literary tradition, ignoring the context of Japanese culture.*

Keywords: *K. Abe; K. Ishiguro; literary model; Zen Buddhism; Shinto.*

УДК 7.097

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В ТЕЛЕЭФИРЕ КИТАЯ

Цай Исинь, магистр

Научный руководитель: **В.А. Гринфельд**, кандидат филологических наук, доцент
кафедра журналистики и медиатехнологий

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Россия

***Аннотация.** Одна из причин популярности телепередачи заключается в том, что идеология программы отвечает потребностям целевой аудитории и общества в целом. В настоящей работе автор анализирует три программы, успешно существующие в китайском телеэфире, и пытается найти способы воздействия этих передач на зрителей. В результате исследования возможно сформулировать причину популярности передач о культуре в современном Китае и дать возможность будущим творческим группам применить эти критерии еще на уровне заявки.*

***Ключевые слова:** телепрограмма, популярность, телевидение, культура, взаимодействие, эмоция, связь.*

Сегодня, в телевизионном эфире появляется все больше и больше телепрограмм различного назначения, ориентированных на различные слои общества. Например, развлекательные телепрограммы, телепрограммы о культуре, телепрограммы о технике и науке, музыкальные телепрограммы и так далее. Эти программы оформляются в различных жанрах и даже в разнообразных форматах. Разной оказывается и судьба этих проектов. Одни пользуются популярностью, добиваются высоких рейтингов, а другие пропадают в эфире, как камень, брошенный в воду. Исследователю телевизионного эфира логично задать самому себе вопрос: можем ли мы предсказать, какая телепрограмма может стать популярной? Следующий вопрос: связаны ли профессиональное качество передачи и её высокие рейтинги? Автор статьи считает, что телевизионная программа должна быть тесно связана с запросами современного общества и чутко реагировать на запросы целевой аудитории, но в то же время предлагать зрителям качественный медийный продукт. В этой статье мы анализируем некоторые телепрограммы в телеэфире Китая, получившие признание в обществе, и выявляем возможности их взаимодействия с целевой аудиторией.

«Национальные сокровища» – телепрограмма о культуре, которая впервые была показана 3 декабря 2017 года в эфире канала-3 китайского центрального телевидения. Эта телепрограмма отличается от традиционного формата телепрограммы о музее, она сочетает манеру документального фильма с развлекательной телепрограммой, реалити-шоу и спектаклем. Творческая группа нашла столь необычный формат, чтобы привлечь аудиторию, уйти от стандартных, почти лекционных методов изложения. В каждом выпуске создатели программы выбирают три реликвии, три культурных артефакта из одного музея. Программа составлена из небольших рубрик, каждая из которых имеет определенную цель. История артефакта сообщается зрителю не сухим перечнем имен и дат, а посредством маленького спектакля. Когда действие завершено, ведущий берет интервью у гостя, чья работа связана с этим историческим памятником. Такой подход пришелся по душе аудитории, и при Интернет-голосовании зрители поставили этой передаче 9.3 баллов (максимальный балл – 10).

Тем не менее, вербализованные суждения зрителей иной раз диаметрально отличаются. Большая часть зрителей считает «Национальные сокровища» выдающейся телепрограммой. В сайте Douban, в котором телезрители могут поставить оценку и комментарии для программы, стандартное суждение этого сегмента аудитории выглядит так: «...Прекрасная передача. Она отлично сочетает

серьезную научно-популярную работу с веселым развлечением, распространяет знание посредством игры. Аудитория не переходит на другой канал и досматривает выпуск с большим интересом.; Видно, что сотрудники творческой группы потратили много времени и сил на её создание; Вспоминаю слова господина Цянь Му (историк Китая): необходимо с уважением и интересом относиться к истории своей Родины...». Но существует и другая точка зрения: «...слишком заметен проповеднический тон...; вместе с поверхностным отношением к культуре...; экспонаты интересны, но рассказ малоинформативен...». Тем не менее, процент просмотра стабильно достиг 0.5 %. Это не высокий рейтинг, если сравнивать с такими массовыми программами как спортивное реалити-шоу. Но низкий процент просмотров не значит, что эта программа не популярна среди целевой аудитории. После первого сезона показа, количество посетителей в провинциальном музее Хэнань (базовый музей для первых выпусков передачи) увеличилось на 30 %. А в Сети количество запросов с ключевым словом «Музей» выросло на 50 %. Шань Цзисян, бывший директор музея Гугун, который ушел на пенсию в 2019 году, так определяет достоинства программы «Национальные сокровища» в своей статье, опубликованной в Жэньминь Жибао («Народная газета» на 19 декабря 2017 года): «В этой программе ядром является культура, но подается она в оболочке из развлекательных форматов. А документальность считается характером этой программы. Такая модель создает новый подход к сложной проблеме просветительских телепередач». Это высокая оценка для этой телепрограммы.

Отметим, что в эфире уже есть подобная телепрограмма «Мастера в музее Гугун» (выходила в эфир в 2016 году). Существует всего 3 выпуска этой программы, но они, безусловно, тоже повлияли на культурную индустрию, прежде всего, разумеется, на музей Гугун. Эта программа отличается от «Национальных сокровищ» по своему формату. Она более традиционна, ориентируется на документальные фильмы и показывает аудитории работу сотрудников музея Гугун, прежде всего, исследователей. Зрители узнают, как ученые восстанавливают и защищают исторические памятники. Творческая группа с неподдельным интересом всматривается в своих персонажей, показывает зрителям их уважение, аккуратность и любовь к экспонатам, к культурным реликвиям Китая. Музей Гугун имеет еще другое название – Запретный город. Он находится в центре города Пекин. Это место, где жили и работали императоры династии Мин и династии Цин, культурный памятник, известный всему миру. Раньше программы о работе ученых по консервации и реставрации культурных реликвий были не популярны. Но эта программа кардинально изменила ситуацию и в эфире, и в обществе. После выхода программы большое количество людей стало интересоваться подобной деятельностью. Так, в 2019 году музею Гугун официальные органы предоставили только 88 вакансий на исследовательскую работу о культурных реликвиях, а заявку подали более 40 тысяч человек. То есть успех передачи значителен, и мы можем видеть, что она непосредственно воздействует на общество.

Программа «Национальные сокровища», хотя и более склоняется к инфотейнменту, эдудейнменту, также стимулирует технологическое развитие музеев. По мере развития программы правительственные чиновники помогли директорам музеев внедрить в своих организациях современную технологию, в том числе VR: применение больших данных. Так, с 1 января по 3 января 2018 года в провинциальном музее Хубэй сотрудники попробовали использовать специальный робот, чтобы совместить технологию Интернета и китайскую культуру. Эксперимент оказался весьма успешный: в течение трех дней посетители обращались к этому роботу более 7000 раз. Это решило проблему нехватки экскурсоводов и информационного оборудования в часы пик, когда музеи захлестывает волна туристов.

Отметим еще одно интересное явление: до последнего времени китайцы посещали музеи, в основном, в мегаполисах Китая или за границей. Но после выхода в эфир программы «Национальные сокровища», они направились и в музеи своей малой родины. Еще одна важная причина популярности передачи в том, что телепрограмма «Национальные сокровища» показывает зрителям насколько интересна и значительна их собственная культура. После просмотра программы самооценка аудитории несомненно повышается. Люди гордятся своей историей и своей Родиной.

Вторая телепрограмма, которую мы анализируем в настоящей статье — передача «Читатель», показанная на китайском центральном телевидении. Создатели передачи пригласили людей влиятельных, добившихся успеха и славы в разных сферах жизни, чтобы они передали свои эмоциональные ощущения через чтение выбранных классических произведений. Тексты для чтения выбраны выдающимися литераторами, редакторами и экспертами Китая. Цель программы — показать зрителям как красива жизнь, как величественна национальная литература, какие эмоции может испытывать современный человек, слушая книгу, написанную давным-давно. В Интернет-голосовании

аудитория поставила этой программе 8.6 баллов. Многие комментарии на сайте Douban поддерживают идеи творческой группы: «Замечательная идея: прочитай произведение чужих, тем самым расскажи о своей жизни... в нашем шумном обществе нужно воспитывать внимательного читателя...». Однако некоторые зрители считают телепрограмму «Читатель» слишком сентиментальной, замечают, что программа обращает больше внимания на формальные аспекты, а не на содержание.

Но каждая программа имеет и достоинства, и недостатки. Мы не можем решить, хороша эта программа или плоха, если не учитываем профессиональные критерии или итоговую реакцию аудитории. В этой работе мы обращаем основное внимание на реакцию общества. И заметим, что телепередача «Читатель» получила премию «Лучшая сезонная телепрограмма» на фестивале телевидения Шанхая 16 июня 2017 года. Более того, передача «Читатель» влияет на поведение общества, по крайней мере, в определенном его сегменте. Например, после того, как аудитория увидела первые выпуски телепрограммы «Читатель», появились выпуски «читательского киоска». Формат передачи: виртуальное пространство для интерактивного эфира, в котором телеаудитория может создавать свои тексты в виде подкастов. Размер читательского киоска чуть больше телефонной будки. Такие читательские киоски установили перед библиотеками, в университетах, на оживленных улицах, и так далее. Человек может поделиться с людьми своим любимым текстом, прочитать его тому, кто озабочен читательским поиском. Внутри читательского киоска две камеры GO PRO (американская компания, которая производит экшен камеры), предназначенные для активных видов спорта и отдыха, записывают читающих людей и обрабатывают запись специальными компьютерными программами. Сотрудники передачи выбирают лучшие кадры и включают их в подготовленные к эфиру телесюжеты. С одной стороны, такая форма работы повышает активность зрителей, с другой стороны, она помогает обычным людям выражать свои эмоции и побуждает их к чтению. Так, в одной новости о читательском киоске от 14 марта 2017 года рассказывается о госпоже Чжао, которая вошла в Читательский киоск и прочитала свое письмо, адресованное маме, которая к тому времени уже ушла из жизни. Она сказала: «Я очень скучаю по маме, она была настойчивой и оптимистичной, она повлияла на мое воспитание, сформировала мой характер. Поэтому я хочу прочитать это письмо для мамы, которая находится сейчас на небе, хочу, чтобы его услышали мои дети, и мамы всех детей».

Для оценки целевой аудитории надо иметь в виду, что в настоящее время молодые люди находятся под высоким социальным давлением. Они должны обеспечить существование своей семьи, заработать, чтобы покрыть расходы на квартиру, машину, даже на само существование. Многим пришлось оставить свою малую родину и уехать в большой город, чтобы пробиться в жизни. Что делается в их душе никому неизвестно, кроме них самих. На помощь им приходят программы с интерактивным эфиром, такие как Читательский киоск. Именно посредством чтения классических произведений эти люди смогли рассказать обществу о своих проблемах. Читательский киоск стал посредником выражения эмоции и настроения этих людей. Мы можем определенно сказать, что телепрограмма «Читатель» влияет на аудиторию, тесно связана с аудиторией и провоцирует аудиторию на обратную связь. С этой точки зрения мы заключаем, что эта программа, безусловно, успешна.

В настоящее время, при всё убыстряющемся темпе жизни ключевыми словами стали «скорость» и «высокоэффективность». И мы видим, что развлекательные телепрограммы стараются соответствовать современному ритму существования. Но возможно, что среди подобных «быстрых» телепрограмм, привлекут внимание аудитории именно телепрограммы, предполагающие медленный темп восприятия. И действительно, подобные телепрограммы о культуре постепенно становятся успешными. Более того, популярностью среди телезрителей пользуются развлекательные программы, формат которых приближен к программам о культуре. В качестве примера мы приведем телепрограмму «Увлекательная жизнь».

Эта передача вышла в эфир 15 января 2017 года в телеканале Хунань. К настоящему времени она выдержала три сезона. Постоянные гости программы живут в деревне несколько месяцев и демонстрируют телезрителям завидную деревенскую жизнь в медленном темпе, а также приятные отношения между гостями. Профессии постоянных участников программы: телевизионный ведущий, артист и певец. В каждом выпуске они приглашают в гости своих друзей. Тесной компанией они работают, ужинают и разговаривают. В программе присутствуют и домашние животные: собаки, куры, козы. В результате усилий творческой группы аудитория может видеть в эфире простое и спокойное реалити-шоу. Но по рейтингу трех сезонов процент просмотра в среднем оказался выше 1 %. А в Интернете три сезона программы получили от аудитории среднюю оценку 8 баллов.

Мы можем заключить, что эта телепрограмма вызвала общественный резонанс. Более того,

животные в «Увлекательной жизни» имеют свой аккаунт в социальной сети, как и люди. За общением в Интернете следят сотрудники программы и, таким образом, добиваются связи с аудиторией. В качестве одного из вариантов влияния на общество, мы приведем внимание программы к такому виду общественно полезной деятельности как «усыновление вместо покупки». Сиба ину (один из видов японских собак) по имени «Н» участвует в выпусках передачи «Увлекательная жизнь» как гость. Кроме того, творческая группа программы призывает зрителей обращать внимание на бродячих животных и защищать их от живодеров. Также сотрудники передачи «Увлекательная жизнь» приезжают в конкретные китайские деревни, где снимают выпуски этой программы, показывая аудитории красоту сельской жизни. Подобная идеология программы связана с политикой правительства. Так, в третьем сезоне место программы находилось в одной из деревень провинции Хунань. Эта деревня известна своим белым чаем, но добираться туда на общественном транспорте не слишком удобно. Соответственно, жителям было тяжело продать чай, потому что трудности пути отпугивали возможных покупателей. Своими эфирами группа программы «Увлекательная жизнь» помогла построить хорошую дорогу.

Также в съемках участвует исследовательская группа, составленная из сотрудников китайских университетов. Их цель – разработать практические советы для развития конкретной деревни. Отметим, что после выхода первого выпуска третьего сезона 1 мая 2019 года, многие туристы стали приезжать на машинах в эту деревню на каникулы, чтобы посмотреть те самые пейзажи, которыми наслаждались в телеэфире. Некоторые приехали даже из города Цитайхэ провинции Хэйлуцзян, которая находится на севере Китая и близка к Владивостоку. Газета «Гуанмин Жибао» (партийная газета «Просветительство») опубликовала материал, в котором дала высокую оценку программе «Увлекательная жизнь». Отметим, что в третьем сезоне творческий коллектив передачи делает упор на интеллектуальное содержание программы и меньше обращает внимания на формальные элементы. Сама программа представляет собой любопытную и полезную попытку развития и обновления деревенского реалити-шоу.

Анализируя вышеуказанные телепрограммы, отметим, что популярность их, кроме творческих достижений, определяется еще и тем, что они точно ориентируются на интересы современного общества Китая. Традиционная культура, желание гармоничной, счастливой жизни – все эти проблемы оказываются болевыми точками китайского общества в настоящее время. Мы пережили трудное время, в частности, засилье западной культуры, и теперь хотим снова обратиться к собственной истории, к национальной культуре. На эти запросы ответили культурная телепрограмма «Национальные сокровища». На проблему – как человеку выразить свои эмоции и где найти время на чтение, дала отличный ответ телепрограмма «Читатель». А телепрограмма «Увлекательная жизнь» дала возможность людям отдохнуть от тяжелой работы и насладиться зрелищем человеческих отношений, которых им так не хватает в реальной жизни.

В последнее время в Китае появляется все больше и больше развлекательных телепрограмм, которые поворачиваются к общественным проблемам, акцентируют внимание на общественно полезную деятельность, что отвечает политике нашего государства. Но задача телевизионной журналистики еще и в том, чтобы сделать программу высококачественной и популярной. При всем этом отметим, что важным элементом в производстве программы является ее актуальность. Творческим коллективам надо глубже исследовать духовные запросы современного общества. Не следует уделять излишнее внимание формальным сторонам телеэфира и стремиться поднять рейтинг за счет горячей темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Сюй. Изучение распространение телепрограмм посредством социальной сети в эпоху новых СМИ / Ван Сюй // Исследование и изучение о распространении. – 2019. – № 28. – С. 110.
2. Вэнь Лу. Экономика за телепрограммой «Национальные сокровища»: как музей становится популярным / Вэнь Лу, Ву Ясюн. // Китайский экономический еженедельный журнал. – Электрон. дан. – 30 января 2018 г. — Режим доступа: <http://culture.people.com.cn/n1/2018/0130/c1013-29794733.html> (дата обращения: 01 ноября 2019 г.)
3. Гу Сюевэнь. «Национальные сокровища» возбудила “химическую реакцию”, еще можно так делать телепрограмму / Гу Сюевэнь. // Газета “Освобождение”. – Электрон.дан. – 08 января 2018 г. – Режим доступа: <http://media.people.com.cn/n1/2018/0108/c40606-29750194.html> (дата обращения: 01 ноября 2019 г.)
4. Лю Цзюнь. Деревенская жизнь в развлекательных программах требует нового представления / Лю Цзюнь, Ван Тин. // Газета “Просветительство”. – Электрон.дан. – 12 июня 2019 г. — Режим доступа:

http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2019-06/12/nw.D110000gmrb_20190612_2-15.htm (дата обращения: 01 ноября 2019 г.)

5. Хун Лилян. Анализ модели интерактивного распространения развлекательных телепрограмм о культуре / Хун Лилян // Исследование и изучение о распространении. – 2019. – № 18. – С. 15–18.

6. Чжан Мэй. Читательский киоск вошел в город Сиань, тысячи горожан попробовали / Чжан Мэй // Новостной сайт Сиань. – Электрон.дан. – 14 марта 2017 г. – Режим доступа: http://www.cnr.cn/sxpd/qs/20170314/t20170314_523656403.shtml (дата обращения: 01 ноября 2019 г.).

Материал поступил в редакцию 12.12.19

INTERACTIVE NATURE OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN CHINA'S TV AIRWAVES

Cai Yixin, Master

Research Advisor: **V.A. Greenfield**, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of journalism and media technologies
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Russia

Abstract. *One of the reasons for the popularity of the TV program is that the program's ideology meets the needs of the target audience and society as a whole. In this paper, the author analyzes three programs that successfully exist in the Chinese TV air and tries to find ways to influence these programs on viewers. As a result of the research, it is possible to formulate the reason for the popularity of cultural programs in modern China and allow future creative groups to apply these criteria at the application level.*

Keywords: *TV program, popularity, television, culture, interaction, emotion, communication.*

UDC 80

CREATIVE LINGUISTICS

A.G. Aleinikov*, PhD in Philology, President
of International Academy of Genius (Monterey, California), U.S.A.

Abstract. *This article is a condensed version of Creative Linguistics, introduced about 32 years ago, in 1988, by an article in the collection of the Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR. This is a review of the introduction and development of the concept of a new direction of research in linguistics with the subsequent results of this research implemented in pedagogy, management, psychological, social, and even natural Sciences.*

Keywords: *Creative Linguistics, creative pedagogy, creativity, the language of creativity, creativity of language, sozidonics, sozidolinguistics.*

Definition

Creative Linguistics is a sub-science of Linguistics that studies creative aspects of language/speech and language aspects of creativity.

Introduction

Creative Linguistics (sozidolinguistics) is a study of the domain common for language/speech and creativity (Aleinikov 1988 a; 1992 b; 1994). Sozidolinguistics selects in any communication event only those factors that deal with the generation of newness, that is, with the creative aspect of language and speech. On the other hand, both creative thinking and creative behavior, as it is well known, are based on and/or are wrapped into the language (including music and visual arts), and thus sozidonics, as the science of creativity (see ►Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]), just cannot ignore the language as a colossal machine generating more and more of the new products. Neither linguistics nor sozidonics separately can understand and explain how language and creativity coexist and interact. That is why there grew a need for Creative Linguistics as a combined field of research. That is why it appeared, just as one day in the past there appeared mathematical linguistics, pragmalinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, etc.

Definition and Differentiation from Psycholinguistics, Sociolinguistics, and Pragmalinguistics

Creative Linguistics, as a field of linguistics that studies creativity in language and language in creativity, emerged at the cross section of two sciences.

Graphically speaking, if two circles, representing two domains, partially overlay each other and make a cross section, then this section belongs to both domains. Here is how the cross sections of fields mentioned above look on the graph.

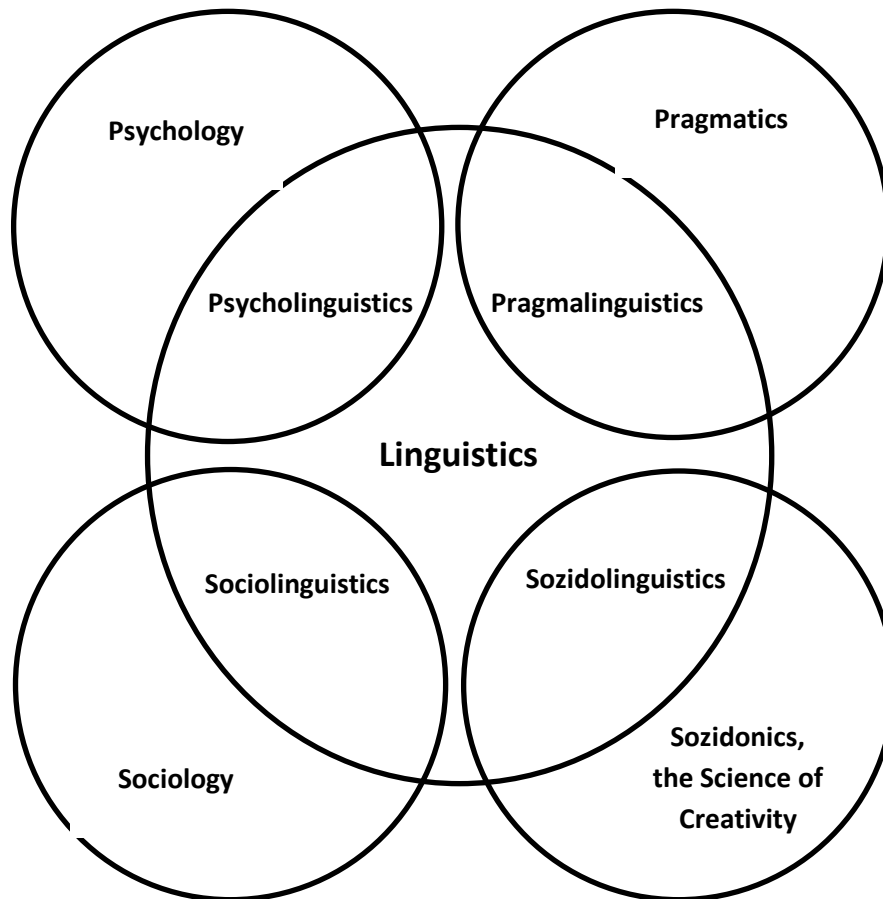

Fig. 1. Sub-sciences at the cross sections of sciences

As Fig. 1 illustrates, there are sub-sciences or emerging fields of research on the cross sections of sciences, and Creative Linguistics (sozidolinguistics) is one of them. Just as objectively there is creativity in language and there is language in creativity, the science of creativity and linguistics create a cross section to reflect this interaction. Certainly, in life, for example, sociolinguistics phenomena are interrelated with pragmalinguistics phenomena [Labov, 2001], as well as psycholinguistics phenomena are interrelated with sozidolinguistics phenomena, so the corresponding circles could be overlapping, but this simplified graph is used just to visualize the basic relationship with other sciences when they emerge as sub-sciences.

There are some other fields like the ones depicted in Fig. 1, for example, mathematical linguistics, computational linguistics, neurolinguistics, a cross-section of neuroscience and brain research with language research [Luria, 1975], etc.

The main difference in the process of developing Creative Linguistics was the fact that there was *no* established science of creativity at that time. It was a growing field of research, but not a science yet. So the founder of Creative Linguistics (sozidolinguistics) had to either foresee (predict) the formation of the new science or to create it. That is why sozidonics, the science of creativity (see ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]), was being developed at the same time, and both sciences benefited from this symbiosis.

On its way to recognition, Creative Linguistics had some differentiation problems. Some authors, probably far from the field of linguistics, made an attempt to apply this term to the field of constructing artificial languages. In addition to the website on Creative Linguistics that dealt with artificial languages, there were some articles that associated Creative Linguistics with constructed languages [Spencer, 2012]. Moreover, there was even an unsuccessful attempt to create a Wikipedia page named “Creative Linguistics” for describing constructed languages. The latter was absolutely correctly redirected by Wiki editors to the article “Constructed Languages” because Creative Linguistics is different. It should be differentiated (disambiguated) from the field of constructed languages. As a field of research that deals with creativity and creative acts in the language domain, sozidolinguistics certainly includes the acts of creating new languages, such as Esperanto and over 1,000 other projects, but it is not limited to such acts and cannot be attached to them

exclusively. There is a special field that deals with constructed languages. It is called Interlinguistics [Kuznetsov, 1987; Schubert, 1989]. It studies the international auxiliary languages, also called “constructed” and “planned” languages as opposed to the natural languages developing spontaneously. The term Interlinguistics itself goes back to 1911 and was greatly popularized by the famous Danish linguist Otto Jespersen [Jespersen, 1931].

Creative Linguistics, as opposed to Interlinguistics, is 77 years younger (1988 vs. 1911) but much broader in its subject of study (see New Subject of Research: All Language Innovations below). If depicted graphically, Interlinguistics may be seen as a part of Creative Linguistics.

As Fig. 2 illustrates, the field of Interlinguistics is only a part of Creative Linguistics, and, therefore, it should not be confused with it, as any part cannot be confused with the whole.

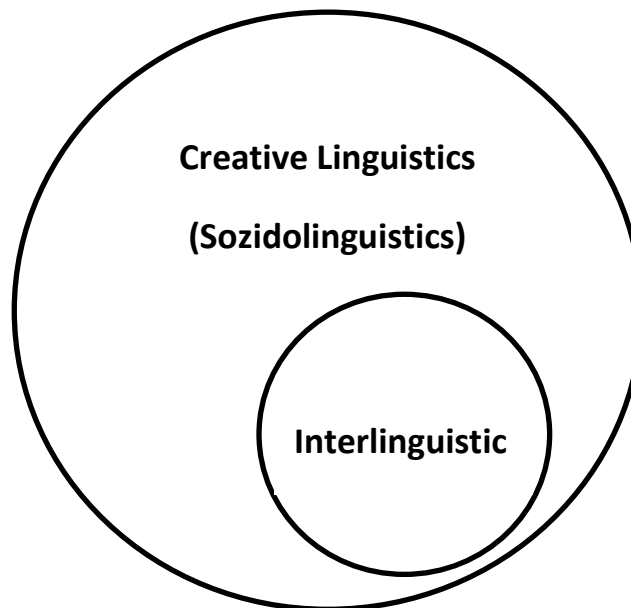

Fig. 2. *Creative Linguistics (sozidolinguistics) and Interlinguistics*

The second difference between Creative Linguistics and the other fields is the fact that Creative Linguistics was designed consciously and published first in a series of articles and then described in a Doctor of sciences dissertation. That is why Creative Linguistics has its own name, sozidolinguistics, its own well-defined subject of study, as well as its own methods, models, and research results (achievements). For comparison, shaping psycholinguistics took about 60 years and the efforts of many outstanding researchers such as Wilhelm Wundt, Noam Chomsky, Dan Slobin, Judith Greene in the West, and Aleksey A. Leontyev, the “father of the Soviet school of psycholinguistics,” with his followers in the East.

Theoretical Foundations: Cross Section of Creativity Research and Language Research (Linguistics)

As a new field of research, designed scientifically, Creative Linguistics had formidable tasks to accomplish. The outline of research included:

1. The ontological and gnosiological foundations of Creative Linguistics
 - 1.1. Ontological (empirical) level of research. Facts of interaction between creativity and language. Domain of study.
 - 1.1.1. Creativity in general and communicative component in it
 - 1.1.2. Creativity in communication (language and speech)
 - 1.1.3. Field of study
 - 1.2. Gnosiological level of research.
 - 1.2.1. Mentioning of the language in the creativity research
 - 1.2.2. Mentioning of creativity in the linguistic research
 - 1.2.3. Subject of study
 - 1.3. Hypothesis, stages, and projected results of research.
2. Designing the basic models of research

- 2.1. Modeling. Creative Modeling
- 2.2. Main concepts, theories, and models of creativity. Approaches to research in creativity. The suggested concept and model.
 - 2.2.1. Main concepts and theories of creativity. Available definitions and approaches to its study
 - 2.2.1.1. Creativity phenomenon limits (volume of the concept)
 - 2.2.1.2. Essence of creativity (contents of the concept). Paradoxes of being undefinable
 - 2.2.2. Solving the paradoxes. Offered concept of creativity. New approach to the study of creativity phenomenon
 - 2.2.3. Models of creativity and the suggested new model
- 2.3. Main concepts, theories, and models of linguistics (semiotic) objects. The suggested concept and model
 - 2.3.1. Sign. Four-side essence. Universal creativity model
 - 2.3.2. Language awareness and its modeling. Models of consciousness as functional organ and the place of language consciousness in it
3. The basic concepts and methods of Creative Linguistics (sozidolinguistics)
 - 3.1. Modern speech innovations and the need for special tool for their research
 - 3.2. Gnosiology of newness—the sub-language of creativity
 - 3.3. Sozidonics and Novology
 - 3.3.1. Newness. Explication of the concept
 - 3.3.2. Units and methods of Novology
 - 3.3.3. Units and methods of Sozidonics
 - 3.4. The model of Sozidonics' act as the act of speech and languages creation. Heuristic capabilities of the model in the research of language structures generation
 - 3.4.1. Generation of language consciousness
 - 3.4.2. Forming of sozidolinguistics units
 - 3.5. Analytical power of the model. Classification experience
 - 3.6. The main techniques and methods of generating newness by linguistic means. Lingua-heuristics and Lingua-design.
4. Applications of research
 - 4.1. Application of Creative Linguistics to education (Creative pedagogy)
 - 4.1.1. Designing theoretical discipline programs with creative orientation
 - 4.1.2. Designing foreign language acquisition programs with creative orientation
 - 4.1.3. Designing faculty development programs (Creative MetaPedagogy)
 - 4.2. Application of Creative Linguistics to translation and interpretation
 - 4.2.1. Creative translation: Fundamentals of creative theory of translation
 - 4.2.2. Methodologies of teaching interpreters with the Creative Linguistics model
 - 4.3. Application of Creative Linguistics ideas to management, positioning, and media
 - 4.3.1. Creative Linguistics in creative management
 - 4.3.2. Creative Linguistics in positioning
 - 4.3.3. Creative Linguistics in media
5. The perspectives of further theoretic development and practical testing of the theory (List includes 18 types of practical applications). The dissertation (Aleinikov 1992 b), completed and approved for defense, has never been published due to dramatic changes in the life of the author. Some compressed data from this research appeared in various publications and can be viewed below.

Sociocultural Background (Need)

By the eighteenth/nineteenth century, it became obvious that languages change faster and faster. Wilhelm von Humboldt mentioned that language is *energeia* (Greek *energeia*), which means the language is creating and recreating itself in everyday speech act [Humboldt, 1987]. Historical and comparative linguistics described thousands of lexical, grammatical, and phonetic changes in the history of any language. When F. de Saussure differentiated chronological (historical) and synchronic research, the latter was understood as a contemporary cut, but even a contemporary cut has some duration. In abstract, it can be a momentous cut, but any real research takes time; therefore, it is *not* really a moment. So, the question is what happens if during that interval, called “cut,” something new appears in the language. How to research this newness? Also,

within the historical trend, the question is not only which sounds, words, and constructions change but also why there appeared new forms and new words and how they appear. Thus, both chronological and synchronic linguistics have to deal with the issue of newness – the issue of constantly flowing language innovations.

Globalization brought so much international and intercultural interaction that borrowing words, concepts, and even grammar patterns became the norm. English vocabulary grew to over 1,000,000 words. Neologisms... after neologisms... after neologisms. Some examples can illustrate the issue:

- Coined words, like nylon, Coca-Cola, Pepsi-Cola, iPhone, iPad, appeared in the language, thanks to new products on the market: new products had to have new names.
- Words with slightly changed spelling, like *Kwik Printshop* (for quick) or *Kollege* (for college), became a traditional marketing trick.
- Contracted words or word combinations, like *StoRoom*, *BlanKids*, *SteriCycle* or even *Toys Я Us* (with the reversed letter *R* that stands for *are* in *Toys “R” Us*), created by the marketers to attract customers’ minds and multiplied by the advertising, movies, and media, added to this avalanche of verbal newness.
- Slang stepped out of the “thieves’ cant,” out of the suburbs, onto the movie screens and then to ordinary life.
- Jargon in any professional field, like *megabyte*, *gigabyte*, and *thumb-drive*, filled the world of communication, business, and every-day speech.
- Dialectal pronunciation and grammar, like *y’all* or *I ain’t got n’ting* – ridiculed but still multiplied by media – spread far beyond the geographical location of the dialects.
- Finally, the Internet and global connectivity completed the breakthrough to totally unlimited language creativity. New domain names, new programs, new acronyms, and abbreviations are being added constantly. Now, anything goes. If a phrase or abbreviation, accidentally or intentionally misspelled word brings a giggle, if it shortens the message, if it shocks somebody, it is cool. Lol. Authors of successful phrases even copyright them.

Language purists, who have been fighting for the clear, grammatically and phonetically correct language, had to give up. Language changes are so massive that they may seem overwhelming to some people. Newness, verbal newness, is ubiquitous. General research in classical linguistics could not explain this process.

On the other hand, researchers of creativity saw the language as a powerful mechanism generating more and more of the new products in literature, science, patents, and even in music and visual arts, but they did not have the tools to analyze and describe these language innovations. For example, synectics [Gordon, 1961] offers a set of methods united by the name “symbolic analogy.” One of the methods is called “book title” where participants of the group have to imagine they are writing a book about some subject and then make up new titles for the book that have to consist of two contradictory words. Obviously, participants work with the language, and creative ideas are coming from the language source. The results of these and other language-based creativity-boosting methodologies had to be evaluated... and perhaps, even better, they had to be scientifically evaluated. There was no such a thing.

A special field of research that could explain how and why it is done was needed.

That is why Creative Linguistics came into being.

Origin and History of Development (Historical Sketch)

Creative Linguistics researched the history of creativity (see ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]) to find out that the concept of creativity changed dramatically in volume and contents. First, at the dawn of civilization, it was applied only to God the Creator and the only true creation was “creation from nothing.” Then, much later, poetry and poets were considered creative (they seemingly create their poems from nothing). Then slowly, creativity concept grew to its contemporary understanding which states that every human is creative.

Note that the second step after God was poetry, that is, a language activity. As opposed to poets, fine artists were considered just imitators of the nature, and the concept of creativity did not apply to them. Thus, poetry, the creativity in the language forms and the creativity of the language, was the first human activity recognized as creative. Poets were the most prolific newness producers. Shakespeare, for example, introduced 1,700 new words. It makes about 10 % of the 17,000 words that he used in all his works. It means he “made up” every tenth word he used.

When creativity studies appeared (see the list of outstanding researchers in ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*,

Aleinikov, 2013]), the knowledge of creativity processes could be applied to language studies and language training, thus leading to the birth of a new field of research – Creative Linguistics (sozidolinguistics) and then creatively oriented education (see ► Creative Pedagogy [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

New Subject of Research: All Language Innovations

Just as traditional linguistics, Creative Linguistics studies all levels and aspects of the language starting from nonverbal communication and paralanguage factors and ending with phonetics, lexicology, grammar (traditional, structural grammar, functional grammar), stylistics, and even translation, however, only from one point of view – the point of view of generating (and generated) newness.

The volume of study, therefore, includes every act from the smallest (the creation of the meaningful speech sound by a baby) to the largest (like the creation of greatest literature masterpieces or the creation of an artificial language, human, or machine). Creative Linguistics certainly studies the creation of new sounds, new words (neologisms) and word combinations (logos, symbols), new grammar patterns, new figures of speech, new styles, etc. Thus, Creative Linguistics studies all the traditional language/speech units from a new perspective. It also gives linguists new tools to see the creative aspect of each unit functioning in the flow of language communication.

Simply put, all language innovations make for a subject of study for sozidolinguistics: any newness in the form, meaning, or use of the language units, any newness the language brings to the society, as well as any newness caused by societal or individual changes make subjects of study for sozidolinguistics. The field of research is vast, and, therefore, it opens new horizons for the new researchers to explore.

Creation of the artificial international languages is only a little part of it, no matter how visible and romantic it is.

Here is the array of units which that subject of study includes:

Entity	Example
New artificial (constructed) languages for human communication	Esperanto, Ido, Volapuk...
New fictional languages	Tolken...
New programming languages (machine communication)	Java, HTML...
New special languages	Brail for the blind or sign language for the deaf
New Creole languages (mix of developed language like English and local languages)	Chinese Pidgin English, Swenglish
New dialects	Ebonics
New sociolects	gender or age group dialect
New professionalisms (jargon)	RAM, bit, byte, CPU, thumb-drive, flash-drive
New colloquialisms	y'all, gonna, wanna, raining cats and dogs
New slang	Cool! G to G (Good to go)
New alphabets, new letters	letter ë was introduced to the Russian Cyrillic alphabet in 1797 to reflect the sound [yo] as opposed to letter e [ye] on the one hand and letter o [o] on the other hand
New texts	New poetic forms, new prose forms...
New syntax structures (sentences configurations, phrases)	Toys are us, Toys "R" Us (Toys Я Us) instead of We are toys, We sell toys.
New words (neologisms)	nylon, quark, cyberspace, blog, webinar
New meanings	the meaning of green in green movement
New morphemes	
New phonemes	
New abbreviations and acronyms (abbreviations pronounced as words)	LOL (Laughing out loud) or ROFL (Rolling on the floor laughing) in chatting
New intonations	As in Robot-like speech
New sounds (new pronunciation)	in personal speech, in second language communication
New signs	road signs, logos
New symbols	As in Toys Я us (with the reversed letter R that stand for are), as well as Wingdings and Webdings on the computer
New...	

Universal Model of Sign, Speech Act, Language Consciousness, and Heuristic Act

The new model of sign was developed in 1977 in Baku, Azerbaijan. It was first presented at the conference and mentioned in publishing in 1979. In 1988, it was published by the Institute of Linguistics, Soviet Academy of Sciences, Moscow, Russia [Aleinikov, 1988 c], and then by the *Journal of Creative Behavior* and *Encyclopedia of Creativity* in the USA [Aleinikov, 1994, 1999].

The most well-known models of that time included:

- One-side sign model: the sign is the sound or letter [Solntsev, 1977]
- Two-side sign model (an oval divided in two): the signifier and the signified (Saussure 1916, 1977)
- Three-side sign model (a triangle of reference): symbol, referent (object), and thought or reference [Ogden and Richards, 1923; Frege, 1892]
- Four-side sign model (a square): world or referent, writer's thought, symbol or word, and reader's thought [Searle, 1975].

Despite the fact that the introduction of each of these models was a big step forward and the discussion of their pros and cons lasted for decades, all these models had some common deficiencies because *none of them*:

- Portrayed the communication situation (the only environment a true sign really lives in) in full
- Took into consideration the speech versus language asymmetry
- Reflected the syntagm/paradigm dichotomy of speech/language.
- Allowed the application of the systems approach
- Depicted the layers of coding/decoding
- Permitted the analysis of newness
- Could be used for real analysis of speech samples (they were more philosophical than linguistic)
- Had heuristic power (proved to discover something)

In other words, a new type of model was needed. Linguistics had been developing for so many years after F. de Saussure, and all gathered knowledge had to be implemented into the sign and language model. In addition to the requirement to be more specific, the model should be also more general (or even universal) because both the act of communication and the act of modeling have heuristic power [Aleinikov, 1988 b].

The offered model was a four-side model, but it became a 3D model. Here is how the universal model of sign, language, speech act, and heuristic act looks (Fig. 3).

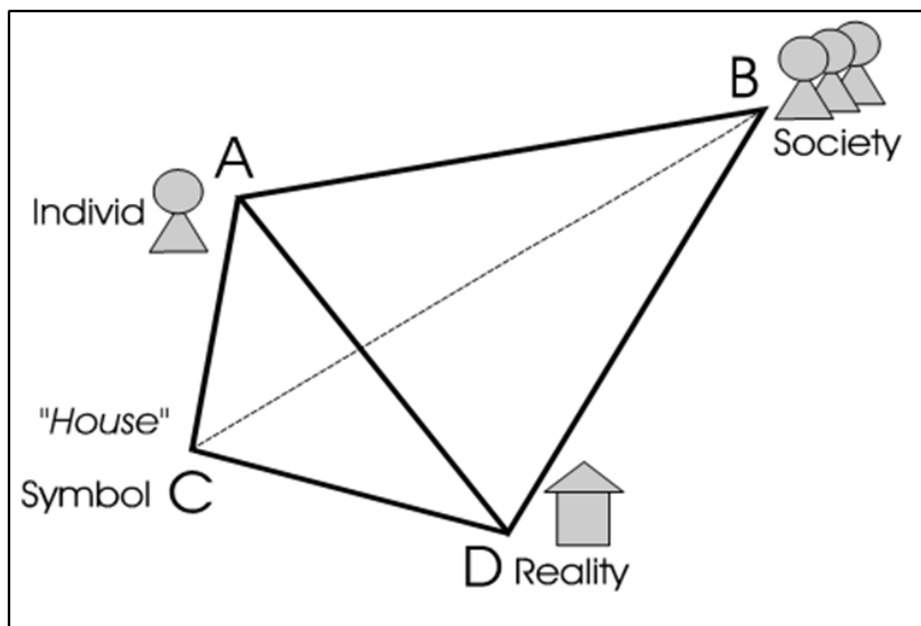

Fig. 3. Universal model of sign, language, speech, and heuristic act

In general, as Fig. 3 shows, an individual (A) is the person who creates a vision of the world (D), expresses it in symbols of the system (C), and sends it to the society (B). Society (or its representative) is any person speaking the same language or using the same semiotic system, system of signs. The message (AB) is received by the society (B), decoded, evaluated, and appreciated or not appreciated. If answered, the speaker gets into position A, and the listener becomes the society B.

The size and the depth of the message can be easily reflected by the size and the depth of the model. That is why some messages would be ordinary (low on the creative scale) and quickly forgotten, while the others – deep and original (highly creative) – would be remembered (= valued) for centuries.

The newness of the model lies in the following:

- The essence of every sign is represented by four absolutely necessary and interrelated elements that form a tetrahedron of language functioning: individual (A) creating the message, society (B) or its representative receiving the message, symbolic system (C), and reflected reality (D). These are the invariant elements of every communication situation and, therefore, of the sign and of the language.

- Speech (AB) flows from individual (A) to society (B). Speech is now shown not as a one-point object (word) as in the previous models, but linear, as it is in actual life. It is either a spoken message with one sound after another in line or a written message with letters one after another – also in line. Language (ABCD) on the contrary is shown as a volume. Linguists often noted the asymmetric relationship between speech and language. The model provides simple visual corroboration: line (speech) is one-dimensional, while volume (language) is three-dimensional. The model unites and separates them. Language is the organization (ABCD) that allows speech (AB) to fulfill its function.

- The model shows that it is not the mere symbol (word, statement) that has the meaning – it is somebody's speech directed to the society that includes the symbol (word, statement) which can be interpreted by the society. Symbols, pronounced or written, do not have meanings by themselves. Their meanings exist in the minds of the users (A and B), and, by the way, the depth of the model demonstrates the depth of understanding by the individual and the society.

- The depth of the language model allows researchers to visualize and reflect the paradigmatic relations (AC, AD, BC, BD, and any perpendicular to AB lines) as contrasted to syntagmatic relations (AB) existing in speech. Paradigmatic (“either or”) relations as opposed to syntagmatic (“and”) ones, form the foundation of any language – if there are no paradigms, there is no language.

- The volume (ABCD) presentation of the language also allows researchers to visualize four constituting surfaces (planes): reflecting symbolic system (ABC), reflecting the reality system or the system of meanings (ABD), reflecting the society (BCD), and reflecting the individual (ACD). The internal organization of all these reflections makes the skeleton of the language.

- The tetrahedron configuration of the language model explains its strength and flexibility at the same time. It also exemplifies one of the Catastrophe Theory statements that the organized matter can go into unorganized (chaos) only by the sharp end. Language model has four tops – all sharp – and the tetrahedron, one of the basic archetype world structures, is truly one of the most stable forms. That is why languages, despite the everyday change, are stable enough to survive and grow.

- If the line (AB) represents speaking by A and listening by B, then the opposite to the speech line (CD) represents coding/decoding process. This is the process connecting the meanings (reality reflections, D) with symbols (symbolic reflections, C). The coding/decoding layers and fields of research studying them can be presented like this:

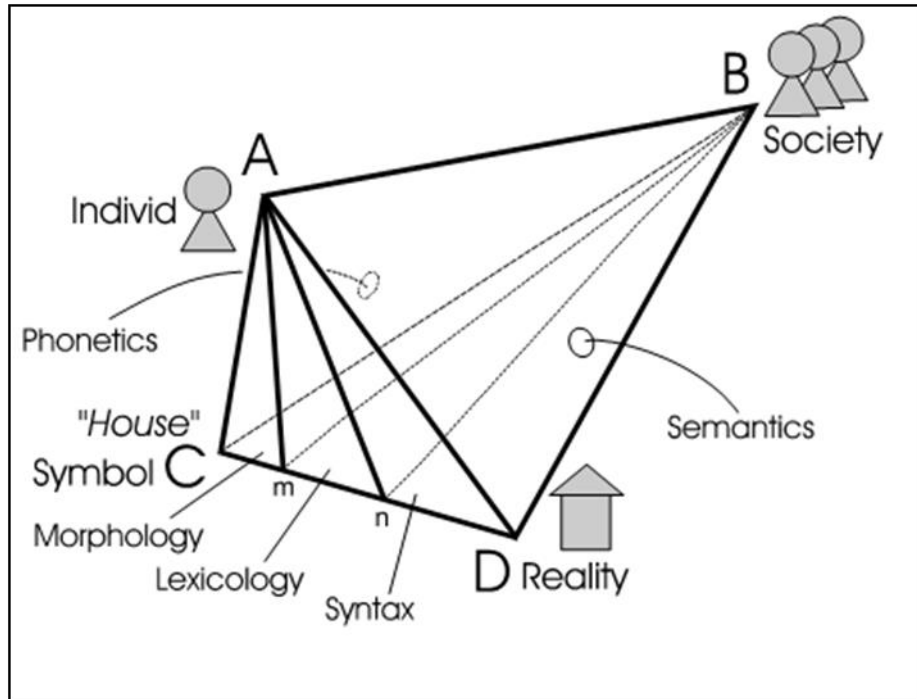

Fig. 4. Layers of coding/decoding in the model

As it is seen in Fig. 4, the mind of the individual (A) has to do the coding from images of the reality (D), reflected by the plane ABD (semantics) in syntactic configurations (AnDB); then fill them with lexical units, words (AmnB); then shape the morphological units, like prefixes, roots, and suffixes (AmCB), and then express this all in sounds of the symbolic system (C) reflected by the plane ABC (phonetics). Note that the coding layers illustrate how language as a paradigmatic volume (ABCD) gives an individual (A) some options to create the message (AB), and these paradigmatic options exist in all layers of coding/decoding shown in Fig. 4. When society or its representative (B) receives the message, it has to do the decoding process in the back order: from the sounds reflected by the phonetics (ABC) to the meaning reflected by semantics (ABD) or, in case of written speech, from the letters reflected by graphemics (ABC) to the meaning reflected by semantics (ABD).

Further Interpretation:

- Now, when the model has a volume as seen in Fig. 3, researchers can apply the systems approach (Bertalanffy, 1968) to the sign and language analysis. The systems approach offers to see any object (process) as a system with its function, elements, and structure. Mariam Karaeva suggested that these aspects should be viewed as three interconnected and interdependent levels: the levels of function, substance, and structure [Karaeva, 1972]. These levels, when applied to the model, can be visualized as follows: functional level (ABefgh), substance level (efghijkl), and structural level (CDijkl).

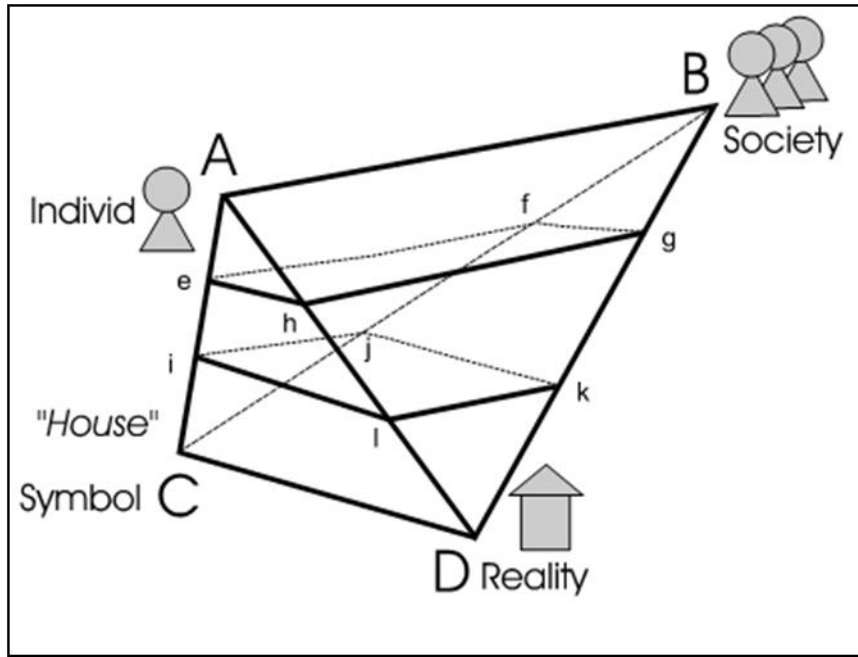

Fig. 5. System levels in the model

As it is illustrated by Fig. 5, the functional level (ABefgh), as most superficial and most changeable, lies close to the speech message AB (on top), while the structural level (CDijkl), as the deepest and least changeable, lies far from the speech.

The next step in building the model:

- Finally, the new model gave an opportunity to introduce and to show one more cutting plane: the plane of new/old, CDP. This plane shows that there is old (part) and new (part) in every message, text, statement, and phrase, in every communicative act.

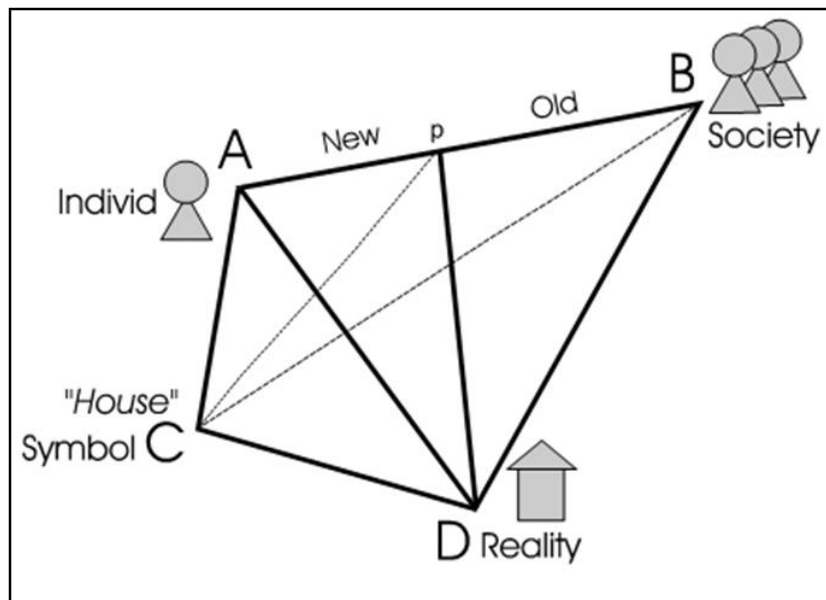

Fig. 6. The new/old plane in the model

As Fig. 6 shows, every message of speech (AB) carries a part that is known to the society (B) that should recognize it in decoding (BCDP) and then the new part (ACDP) that the individual speaker (A) delivers as one's input. The amount of this new may vary in volume – the plane is flexible and movable.

The presence of new/old in every speech act was researched by the Prague Linguistic Circle and Functional Grammar as theme (topic) and rheme (comment, focus) dichotomy. They showed how the word order and intonation influence the presentation of theme (old) and rheme (new) in every speech act. For example, in the simplest case, the phrase stress (as opposed to word stress) emphasizes the new (rhematic information). One sentence “students arrived later” can be stressed differently: (1) *Students* (not teachers) arrived later. (2) Students *arrived* (not departed) later. (3) Students arrived *later* (not earlier).

What Creative Linguistics has proven is that every message exists to add newness and to deliver newness to the communicator (society B).

Therefore, there is newness in every message. It may be significant or insignificant, but it is available. Otherwise, communication has no sense and it stops. In real life, if the person delivers too little newness in communication (for instance, repeats oneself all the time), people stop communicating with that person or limit the time of communication because it is boring. However, even the most boring communicative act is still an act: it delivers the fact that the individual A is still alive and communicating. This moment is frequently emphasized in the movies where a hero is shouting to the dying friend, “Stay with me! Talk to me!” Here, the newness of the message is nearly equal to the fact that message is available.

If every message delivers newness, then it is a creative act (big or small – this is another issue). If traditional creativity approach states that creativity is the process of combining existing ideas into new combinations, then a communicator does it in every speech act. A communicator (individual A) takes known elements of the language (nouns, verbs, adjectives, etc.) and combines them into a new message to solve the communicational problem. Every situation is unique (time is irreversible), and every message is unique because none of these can be repeated or reversed.

If a discovery or invention is tested on the model, then every discovery or invention has a unique (new) vision of the world (D), developed by individual (A) and expressed in the symbolic system (C) to be delivered to society (B) for evaluation and implementation. It may be in the form of an article or patent application, but it is still a message containing some old information (what was before) and some new information (what it is now in the opinion of individual A). So, the model reflects a speech act and a heuristic act equally well. That is why it is called a universal model.

The final model that unites all the previous divisions looks as follows:

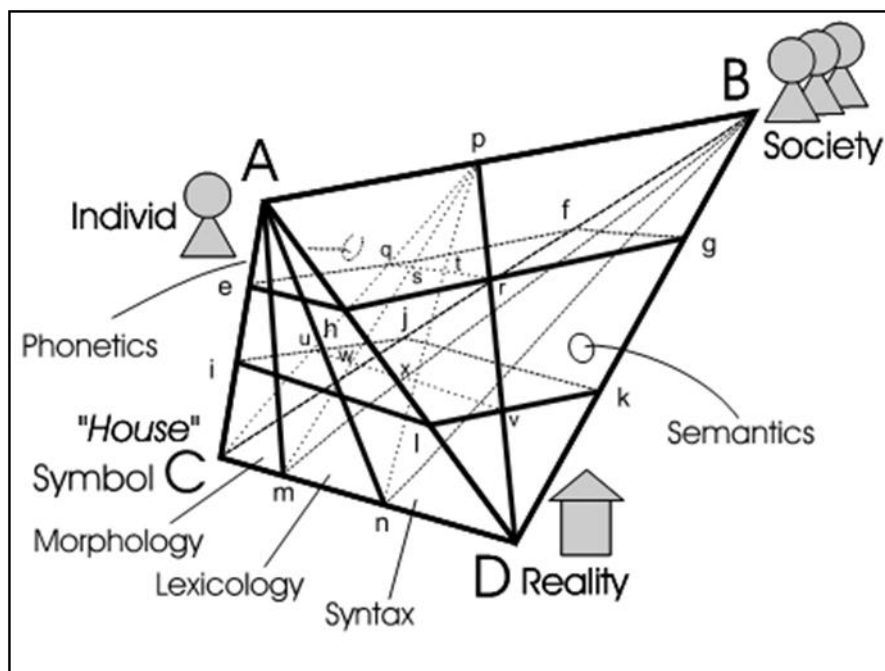

Fig. 7. Complete model of sign (language)

As Fig. 7 shows, the newness plane (CDp) cuts all the coding/decoding layers shown in Fig. 4, as well as all the systems levels shown in Fig. 5.

- The final model allows researchers to see the inner volumes or the outer surfaces of the fields to

study. Having this instrument, a linguist or any other researcher will never “miss” a field. Many of the planes and volumes have already been discovered by linguists – the model only placed them visually and corroborated their existence. However, not all of them. In a case, when the model points at some unknown field of research, the model becomes a heuristic instrument. In some cases, the change is nominal: for example, the plane (ACD) “looking” at the individual (A) could be named competentics because it reflects the individual’s competence, the command of language, or the proficiency, as educators call it. This plane is also reflected by such a well-known science as psycholinguistics.

- The side opposed to competentics (ACD) and represented by the field BCD that “looks” at the society (B) reflects the overall language knowledge of the speaking community (or its representatives). In commonly accepted linguistics, this plane is reflected by pragmatics (pragmalinguistics) and sociolinguistics. Creative Linguistics gives it a general name gnosionics, from Latin *gnosis* – knowledge.

The units of gnosionics may be called gnosemes (like the units of phonetics are called phonemes and the units of morphology are called morphemes). When somebody says, “You can’t say so!” or “People do not speak like that!” or “Usually, we say it differently!” they state a discrepancy between what they know from their language experience (gnosionics) and what they hear. This generalized language experience forms gnosemes – patterns of the language knowledge. That is why foreign language learning takes so much effort: it is not only words but also the WAY it is said.

- Graphically, the superficial knowledge of the language may be depicted by a shallow model. On the contrary, profound knowledge of the language with its structural richness, substance fullness, and functional fluidity may be depicted by a deep model. The model, therefore, can serve as a visual diagnostic tool.

- The main achievement of the model is the visualization of the necessity for the Creative Linguistics represented by the volume ACDp. The science of new words called neology takes only the volume Amnp, thus totally skipping the grammatical coding changes (AnDB – syntax and AmCB – morphology). So, the model “pointed” in the direction of new research and, therefore, proved its heuristic value.

The development of the model and its extrapolation to the other fields continues till today. This model turned out a universal model of language and language consciousness (1988), sign, speech situation, and speech act. The model showed and explained things that have never been explained by any other sign models in linguistics. It is simple and heuristically powerful at the same time. Most importantly, though, it also gave the basis for introducing a structural plane between the old and the new. By doing this, in addition to all previous extrapolations, the model became a model of innovative act as well as a model of directions for future innovations. It is this model that determines what one needs in order to make an innovation. It is the model that shows the directions to the future research, including the research of genius (see ► Genius [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]), education (see ► Creative Pedagogy [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]), and leadership (see ► Creative Leadership [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

New Methods and Results of Research

The model described above, in addition to its general philosophical and linguistic value as a universal model of sign, language, speech act, and creative act, becomes a practical everyday tool for Creative Linguistics research. The model helps:

1. To describe the newness in unified terms.
2. To figure out the location of the newness: whether it belongs to semantics (D), phonetics, graphemics, or, in general, symbolics (C), pragmatics (B), or competentics (A).
3. To find out the depth of newness: whether it belongs to the functional level (superficial), substance level (intermediate), or structural level (deep).
4. To place the newness to the coding layer (syntax, lexicology, morphology).
5. To visualize and describe the exact unique profile of particular newness as a combination of all points. Measuring the profile in quantity units makes the comparison of the created variants more objective (not as I like it or I do not like it, which is subjective). It means, for instance, that the marketing efforts (creating new ads) can be more precise and less expensive.

In short, the main advantage of this model is that it allows researchers to formalize and visualize the amount of newness – usually so vague or refined that for centuries it seemed impossible to measure.

New type of analysis, the sozidolinguistical analysis, analysis of the newness presented, is introduced as a new method of analyzing the speech products. Some speech products are trivial (low volume of newness), the others are original and interesting (high volume of newness). Geniuses create the top volume of newness in their works. That is why the creative act of a genius, illustrated by the model, looks different from the creative act of an ordinary person (see ► Genius [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

The new measurement methods were introduced thanks to paradigmatic analysis used by Creative Linguistics (see ► Novology [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

Applying Creative Linguistics to Education and Training

The first applications of Creative Linguistics were in the field of education. There were three directions: teaching theoretical disciplines, teaching practical disciplines (both belong to Creative pedagogy), and then teaching teachers of both theoretical and practical disciplines how to teach creatively (Creative metapädagoggy).

The first article on creative pedagogy was published in 1989 [Aleinikov, 1989 b] and on creative metapädagoggy in 1990–1992 [Aleinikov, 1990 c, 1992 a].

Creative Orientation of Theoretical Programs

Creative Linguistics was first introduced and tested on the theoretical studies of English grammar and history of English. The results of the application were unusually positive: students who were involved in the creation of their own props, posters, plays, and finally wrote a book, called it the best course in their lives. Students began (voluntarily) to apply new methods of learning to practical courses, like speech practice. The leadership of the Military Institute saw it as a new potential, a new direction in education. The author was awarded the first in the Soviet Union 3-year “doctorantura” fellowship (usually it was for 2 years) with the task to describe the new teaching system. A new book titled *Созидание грамматики и грамматика созидания / Grammar Creation and Creation Grammar* became the first in the Soviet Union “creatively-oriented” program (Aleinikov 1990 a). A methodology manual for creative orientation in teaching and learning theoretical disciplines was published the same year (Aleinikov 1990 b). Creative pedagogy principles were applied to the theoretical courses of military translation, theory of translation, lexicology, and other disciplines at the Military Institute, Moscow.

In the United States, creative orientation was applied to:

- Word Origins and Usage (ENG2210), 1994–2006
- History of Russia (HIS335, 535, 336, 536), 1995–1996
- Psychology of Creativity (PSY3390), 2001–2006 (see ► Psychology of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*])

The latter became the third program in the USA offered at the university level and the first in the South East.

Creative Orientation of Practical Disciplines:

Hyper Efficient Language Program (HELP +2000)

Creative Linguistics was also applied to the practical foreign language studies – to the acquisition of English and Russian as foreign languages [Aleinikov, 1989 a, c].

Since the new definition of creativity states that creativity is **a human activity of accelerating organization and/or deceleration disorganization** (see ► Creativity Definitions, Approaches and ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]), the main task was to create a system of the fastest (most accelerated) course of foreign language acquisition from level 0 (zero).

Such a program was designed and tested in Perm, Russia. The experimental program was named Hyper Efficient Language Program (First HELP +2000) because the students acquired over 2,000 words and phrases in 40 hours of learning (Aleinikov, 1995 b). A new methodology allowed participants to learn the basic dialogs and understand simple conversations needed for traveling to England. An episode that happened on the seventh day of studying can offer some illustration. Children of the adult students (CEO and managers) visited the class after 7 days of learning. When they saw their parents (without any previous knowledge of the language) communicating in English and doing it with fun, they declared that they were

not going back to traditional school where they had been studying English for 3–5 years but could not speak at all. They wanted to join the experimental group.

After success in Perm, where the new methodological approach was first exposed to public, the author of the program was invited to teach and license this program with certification and recertification of the teachers for the Center “Professional” (Moscow) offering classes in 40 languages.

Later, the elements of the Hyper Efficient Language Program (First HELP +2000) were used in India for the Indian Navy officers and Russian specialists (1990–1991). At present, the elements of this program are used for the Immersion program of the Defense Language Institute Foreign Language Center, Monterey, California (2008–2012).

In the United States, Creative Orientation of Practical Disciplines was applied to:

- Russian (all levels) at Auburn University, Montgomery, Alabama
- Effective Communication (COM1110) at Troy University, Montgomery, Alabama

Creative Metapedagogy: Teaching Managers and Teachers

The next natural step after the creation of Creative pedagogy was to check whether methodologies of creative teaching are teachable. Creative metapedagogy – the science and art of teaching teachers how to teach creatively – appeared and was reported in 1990–1992 (Aleinikov, 1990 c, 1992 a).

Within 2 years, three professional development centers tested the new creative pedagogy methodologies – all with success:

- Russian Academy of Sciences Center for Creativity Research (Moscow)
- Russian Academy of Sciences Center ILAN (Moscow)
- Center for Pedagogical Innovations (Krasnodar)

The Russian Academy of Sciences Center for Creativity Research (Moscow) and Russian Academy of Sciences Center ILAN (Moscow) used it for creative management programs to teach managers. Thus, after the collapse of the Soviet Union, Creative Linguistics and creative pedagogy were immediately applied as new tools for changing the methods of leadership and management in Russia (Aleinikov, 1991). The Center for Creative Research (Moscow) offered training to military and civilian leaders and then published a five-volume book titled *Creative Management* – a totally revolutionary concept for the country under totalitarian regime for over 70 years. The book included the translation of the most famous Western authors on creativity as well as an article on how to use Creative Linguistics for the new realities (for details on the innovative vision of leadership developed thanks to Creative Linguistics, see ► Creative Leadership [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

The Center for Pedagogical Innovations (Krasnodar) took it to educators. The center sponsored the development of the creativity test (Aleinikov, 1990 d) that could be used for individual and group creativity and then organized creative metapedagogy training for professors of five colleges.

The concept of creative pedagogy immediately became popular and got into the encyclopedia editions [Popov, 1995].

In the United States, creative management training in the form of creative problem solving was offered to a number of Fortune 500 companies, such as 3M, Alabama Power, Georgia Power, Mississippi Power, Procter and Gamble, Schlumberger, etc.

Creative metapedagogy for the first time in the world was offered for the graduates as the course titled Foundations of Creative Education (EDU6625) at Troy University.

By 2010, creative pedagogy and creative metapedagogy in the form of numerous programs for teachers, managers, and educational and business leaders spread from the USA to Pakistan, Singapore, South Africa, and Thailand. It has been successfully applied to:

- School education (New Challenge School, Montgomery, Alabama; Franklin Junior High School, Franklin, Ohio; Jiemin Primary School, Singapore, etc.)
- Postsecondary education (five colleges in Russia, higher education institutions, like Military Institute, Moscow; Air War College, USAF University, Maxwell AFB, Alabama; Troy and Auburn Universities, Montgomery Alabama; Defense Language Institute, Monterey, California)
- Teacher and professor professional development (the University of Cincinnati, Ohio; United States Air Force Junior Reserve Officer Training Corps (USAF JROTC) Instructors, Garmisch, Germany, and Maxwell AFB, Montgomery, Alabama; Davis and Elkins College, Elkins, West Virginia; Ohio State University; Teachers Centers in Bangkok, Thailand; Karachi and Islamabad, Pakistan; principal education in

Pretoria and Johannesburg, South Africa, as well as universities, colleges, schools, and officials of the Ministry for Education, Singapore).

The results of applying creative pedagogy to real education problems are more than positive. In Singapore, for example, the Jiemin Primary School officials selected 13 sixth-graders (out of 1,200 students) who were labeled “incorrigible and doomed to fail.” After 2½ days of pedagogical intervention, all students proved to be “ideal learners” and... 7 months later (without any follow-up), they passed all four state exams (math, science, English, mother tongue) and proceeded to the next level of academic education, thus leading to 100 % success of the program. Teachers and parents called it a “miracle” [Aleinikov, 2003].

At present, the term Creative pedagogy is well spread. It is used for monograph titles and programs names. The concept is studied and taught at the university level. Some of the methods have already been considered “classic” (see ► Creative Pedagogy [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]). Finally, a new Encyclopedic Reference Dictionary titled Creative Pedagogy (Popov V.V. - editor) is being published in Russia.

This is how Creative Linguistics contributed to solving world educational problems.

Applying Creative Linguistics Research to Science

The application of Creative Linguistics (sozidolinguistics) research to education led to the development of new field of research like creative pedagogy, creative andragogy, and creagogy as a combination of both. Creative pedagogy led to creation of Genius Education Methodology, the fastest method of human mind orientation to genius development (see ► Creative Pedagogy [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]).

Studying the thinking methodologies of genius led to the discovery of the methodology of discovery. As a result, a group of California scientists discovered 11 new laws of conservation [Aleinikov and Smarsh, 2010].

The application of Creative Linguistics research to the field of creativity, as a give-back, contributed to the development of the science of creativity, whether called sozidonics or creatology (see ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013] and Magyari-Beck, 1999).

Introduction of the new measuring units and ways to measure creative output by Creative Linguistics led to the development of the fastest methods and techniques boosting creativity to the level of megacreativity (see ► Genius [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013] and Aleinikov, 2002).

The application of experience on how to create a new science like Creative Linguistics (sozidolinguistics) led to founding new sciences:

- Geniusology, the science of genius (see ► Genius [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013])
- Novology, the science of newness (see ► Novology [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013])
- Organizology, the science of organization (see ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013])
- Agogics, the science of leadership (see ► Creative Leadership [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013])
- Generagogy, the general science of teaching that unites pedagogy and andragogy (see ► Creative Pedagogy [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013])

In addition to new sciences, the application of Creative Linguistics (sozidolinguistics) research to the leadership and management field led to the development of concepts of creative leadership, ideal leadership, and IdeaLeadership© that broadened the classification of types of leadership and helped to define the field of agogics (see ► Creative Leadership [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]). In the same manner, new concepts like ideal learner, ideal teacher, and ideal education model have been introduced to pedagogy, thus expanding the field of education.

This is how new concepts, models, theories, and definitions that have been developed by Creative Linguistics, influenced the scientific vision of the world.

Disseminating Creative Linguistics: Dissertations and Conferences

The process of dissemination of Creative Linguistics concepts and achievements was going in a traditional pattern: from one country and one language to the other countries and other languages (Armenian, Azeri, and Georgian in thesis), and then via English (published first in India) to international recognition. The process was slowed down by the dramatic events in the life of the founder (transition from the Soviet Union to the USA), but still was going on. Despite the fact that the main work on Creative Linguistics (Doctor of Sciences Dissertation titled *Theoretic Foundations of Creative Linguistics*) has never been published, the applications of Creative Linguistics to education, creativity research, leadership and management field, advertising and publishing, as well as science in general, as corroborated by the author's national and international awards, including a Guinness World Record in publishing, are impressive.

The pioneering role of the author in the creation of the new trend of research was directly stated about 20 years later after the publication of the first article on Creative Linguistics by V.I. Karasik, who wrote: "In the contents aspect, this category [routine vs. creative aspects of communication], as far as I know, has never been the subject of linguistic research, except the publications of A.G. Aleinikov, who stated the need to develop Creative Linguistics [Aleinikov, 1988 a]" [Karasik, 2008].

Creative Linguistics continues to benefit both the linguistics field and the creativity field. As a relatively new trend in linguistics, it continues to attract new researchers. For example, the creative potential of linguistic units is studied in the dissertation of Remchukova (2005). On the other hand, the term Creative Linguistics is also used as a generic term for creative thinking techniques that employ the language heuristic power for finding new ideas [Vagin, 2010].

Moreover, after over 20 years in existence, which had been predicted by the founding article [Aleinikov, 1988 a], Creative Linguistics became the theme of scientific conferences [Gridina, 2008].

Finally, with the spread of the Internet, the term *Creative Linguistics* becomes a kind of commonly used word combination, and people apply it, for example, to create new logos and trademarks (Retrieved from <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?aj4&MessNumj5522&l1j23&l2j2>) or just to have fun in creating new combinations of words and statements. Some authors even call Creative Linguistics "a consultant's marketing tool in the new world order" [Binneman, 2011]. So, the popularization stage of the term Creative Linguistics is going on.

Conclusion and Future Directions

Creative Linguistics (sozidolinguistics) that appeared on the cross section of creativity domain and linguistics domain studies the creativity aspects in language and the language aspects in creativity. As a branch of linguistics, sozidolinguistics selects in any event having a sign nature the factors dealing with the generation of newness, that is, with the creative aspect of language and speech.

Creative Linguistics was the first to prove that every speech act is a creative act because, by using the known elements of the language, a person *creates* a message (speech act) that is unique (will never be repeated) and, by doing so, solves the problem of communication just as an inventor or engineer solves a technical problem. This simple proof is so significant because it eliminates the dichotomy creative or not creative. If the person can speak, the person is creative. The question now is *how creative* or how much newness the person is delivering in his/her messages. This can be taught, and people who get through training in creativity begin to deliver much more creative results. This is how Creative Linguistics paved the way to creative pedagogy (that got into encyclopedia nearly immediately) and creative metapedagogy, both of which received wide international recognition for their innovative teaching methodologies, new vision of innovative education [Aleinikov, 1995 a], and impressive educational results.

Creative Linguistics also contributed significantly to the science in general by founding seven new sciences and three sub-sciences, new models, new theories, and new concepts (see, e.g., Aleinikov, 2002 b).

In the creativity field, Creative Linguistics led to a new (scientific) vision of creativity (see ► Creativity Definitions, Approaches [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]) and served a catalyst for shaping a new science of creativity (see ► Science of Creativity [as it is published in the same *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation, and Entrepreneurship*, Aleinikov, 2013]). Creative Linguistics, with its well-structured approach, developed the way to measure creative output, thus leading to the development of the most powerful methods boosting creativity to megacreativity and more [Aleinikov, 2002 a].

Combining Creative pedagogy methodologies and megacreativity concept led to the design of the unique educational system "Genius" and brought the author worldwide recognition in the form of best seller, invitations for keynote speeches at the international creativity and education conferences,

numerous international awards, and even, as some creativity experts think, the title of “the most creative man in the world” [Ramos, 2006].

When applied to business, Creative Linguistics worked its way to training managers of the Fortune 500 companies and showed the fastest results in publishing confirmed by the unbeatable Guinness World Record in publishing.

Since the main research on Creative Linguistics has not been published, the author’s main task is to publish the work that brought so much to humanity but still remains hidden. Therefore, the task of translating Creative Linguistics from Russian to English and publishing it is one of the main directions of work.

Applying Creative Linguistics methods and models to business, advertising, marketing, media for practical improvements and savings is another direction. Some of the directions that Creative Linguistics is working on may seem like science fiction, but what was predicted by Creative Linguistics and seemed science fiction 20 years ago has already been achieved.

If Creative Linguistics methods of research and achievements have proven to be so successful and powerful, then the future scientific directions it can lead to are limited only by the imagination of those who take them to work.

** Автор: Андрей Григорьевич Алейников, выпускник Волгоградского Государственного педагогического института (ныне университета, 1972), закончил аспирантуру при Азербайджанском Институте языков, защитил кандидатскую по филологии в Тбилиском Государственном Университете (1983), преподавал в Военном Институте Министерства Обороны (ныне университет) г. Москвы, где и закончил докторантуру (1992), в результате чего стал, если можно так выразиться, “отцом” Креативной лингвистики (1988) и Креативной педагогики (1989). В дальнейшем работал в университетах США, активно внедрял свои разработки в Германии, Индии, Пакистане, Сингапуре, Таиланде, США и Южной Африке. А.Г. Алейников получил множество научных наград за введение новых наук (7) и открытие новых законов сохранения (11), а также педагогических наград – за выдающиеся результаты на школьном и университетском уровнях. Один из самых известных – это Методология обучения гениальности. Имеет более 150 публикаций. Его работы напечатаны на 9 языках в 13 странах. Одна из книг стала бестселлером в Азии, другая – держит Рекорд Гиннеса. Подробнее можно ознакомиться на сайте www.andreialeinikov.com*

REFERENCES

1. Aleinikov, A. Eleven new laws of conservation: the discovery of the century / A. Aleinikov, D. Smarsh. – Allied Academies. Spring International Conference, New Orleans, Louisiana, April, 2010. – p. 37.
2. Aleinikov, A.G. Editor. Novology, the science of newness, for creativity and innovation research. The future of creativity: Dr. E. Paul Torrance lecture series at the University of Georgia. Bensenville, IL: Scholastic Testing Services, 2002 b. – p. 114–41.
3. Aleinikov, A.G. An approach to innovative education (Editorial). Int J Innov Higher Educ. – 1995 a – № 11, pp. 5–7.
4. Aleinikov A.G. Creative Linguistics (foundations, problems and perspectives). In: Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., editors. Language awareness: stereotypes and creativity. Moscow: Institute of linguistics, Academy of Sciences, 1988 a. – p. 77–89.
5. Aleinikov, A.G. Creative Linguistics in creative management. In: Shmakova L.E., Malovichko V.S., editors. Creative management, vol. 1. Moscow: Creator, Russian Academy of Sciences, 1991. – p. 227–68.
6. Aleinikov, A.G. Creative metapedagogy: D-day. Alma-Mater. Higher Educ Bull. 1992 a, № 1, pp. 34–39.
7. Aleinikov, A.G. Creative pedagogy and creative metapedagogy. Progress in Educ. 1990 c. – № 66 (12) – pp. 274–280.
8. Aleinikov, A.G. Creativity and language acquisition. In: Shiryayev A.F. Editor. Collected articles. Vol. 25. Moscow: Military Institute, 1989 a, – p. 5–10.
9. Aleinikov, A.G. Genius Education Methodology helps creating a nation of geniuses: new horizons, awards and rewards in creative and innovative education. (Retrieved from <http://www.humiliationstudies.org/news-old/archives/000039.html> June 13, 2012; 2003).
10. Aleinikov, A.G. Humane creativity. In: Runco M, Pritzker S, editors. Encyclopedia of creativity, vol. 1. San Diego/London/Boston/New York/Sydney/Tokyo/Toronto: Academic; 1999. p. 837–44.
11. Aleinikov, A.G. Hyper efficient language program – “First HELP + 2,000.” Sharing the dream. NAFSA: Association of International Educators, Region VII Conference. Memphis, Tennessee, 1995 b.
12. Aleinikov, A.G. Mega creativity: five steps to thinking like a genius. Cincinnati: Walking Stick Press, F&W Publications, 2002 a.
13. Aleinikov, A.G. On the heuristics of communicative and modeling acts. In: Sorokin Yu.A., Tarasov E.F.,

- Ufimtseva N.V., editors. Language awareness: stereotypes and creativity. Moscow: Institute of linguistics, Academy of Sciences, 1988 b. – p. 55–76.
14. Aleinikov, A.G. Sign. A four-side essence. Universal creative model. In: Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva, N.V. Editors. Language awareness: stereotypes and creativity. Moscow: Institute of linguistics, Academy of Sciences, 1988 c. – p. 89–115.
 15. Aleinikov, A.G. Sozidolinguistics for creative behavior. Journal of Creative Behavior. 1994. – № 28 (2) – 104–123.
 16. Aleinikov, A.G. Speech activity model and translation. In: Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., editors. Studies of translation and culture: goals, methods, results. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences, 1989 c. – p. 27–40.
 17. Aleinikov, A.G. Test battery “ALEANDR”. Moscow: Russian Academy of Sciences Center for Creative Research and Krasnodar Center for pedagogic innovations, 1990 d.
 18. Aleinikov, A.G. Theoretical foundations of Creative Linguistics. Unpublished Doctor of Sciences in Philology Dissertation. Moscow: Military Institute, 1992 b.
 19. Bertalanffy, L. General system theory: foundations, development, applications. New York: George Braziller, 1968.
 20. Binneman, D. Creative Linguistics – A consultant’s marketing tool in the new world order. (Retrieved from <http://deonbinneman.wordpress.com/2011/06/23/creative-linguistics-a-consultants-marketing-tool-in-the-new-world-order/> on March 30, 2012; 2011).
 21. Frege, G. On sense and reference (Über Sinn und Bedeutung). Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik C. 1892. pp. 25–50.
 22. Gordon, W. Synectics. New York: Harper & Row; 1961.
 23. Gridina, T.A. All-Russia conference with international participation on the problems of Russian language “Creative Linguistics.” Ural State Pedagogical University, 2008. (Retrieved from http://www.rfh.ru/index.php?option=com_content&task=view&idj239&Itemidj231&limitj1&limitstartj1 March 30, 2012).
 24. Humboldt, W. On language. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 1987.
 25. Jespersen, O. Interlinguistics, International Communication, 1931.
 26. Karaeva, M.S. To concretizing of the notion “language system.” In: Scientific works of Azerbaijan pedagogical institute of languages, Series XII, Baku, 1972. № 2 – p. 38–42.
 27. Karasik, V.I. Routine and creative communication: functions, types, methods. In Kaplunenko AM, editor. Vestnik of Irkutsk State Linguistic University, p. 112–118. Retrieved from www.islu.ru/rar/vestnik_2008_3.pdf 20-Sep-2010; 2008.
 28. Kuznetsov, S.N. Theoretical foundations of interlinguistics. Moscow: University of peoples friendship, 1987.
 29. Labov, W. Principles of linguistic changes: social factors. Malden: Blackwell, 2001.
 30. Luria, A.R. Main problems of neurolinguistics. Moscow: Moscow State University, 1975.
 31. Magyari-Beck, I. Creatology. In: Runco M., Pritzker S., editors. Encyclopedia of creativity, vol. 1. San Diego: Academic, 1999. – p. 433–441.
 32. Ogden, C.K. The meaning of meaning. 8th ed. / C.K. Ogden, I.A. Richards New York: Harcourt, Brace & World, 1923.
 33. Popov, V.V. Creative pedagogy. In: Polovinkin AI, Popov VV, editors. Encyclopedic dictionary “Technical creativity: theory, methodology, practice”. Moscow: Logos, 1995. – p. 165–167.
 34. Ramos, S. “The most creative man in the world” Press release of the International Academy of Genius, 2006 (Retrieved from <http://www.eworldwire.com/pressreleases/13690> on Dec 20, 2011; 2006)
 35. Remchukova, E.N. Creative potential of Russian grammar: morphological resources of the Language. Doctor of Sciences in Philology Dissertation. Moscow, 2005.
 36. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale. (Bally C, Sechehaye A (eds). with the collaboration of Riedlinger A) Lausanne and Paris: Payot, 1916 (trans: Baskin W) Course in general linguistics, Glasgow: Fontana/Collins, 1977, 1916.
 37. Schubert, K., editor. Interlinguistics. Aspects of the science of planned languages. Berlin/New York: Mouton de Gruyter; 1989.
 38. Searle, J. A taxonomy of illocutionary acts. In: Gunderson K, editor. Language, mind, and knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. – p. 344–369.
 39. Solntsev, V.M. Language as a system-structural entity. Moscow: Science, 1977.
 40. Spencer, G. Creative Linguistics. (Retrieved from <http://www.vcn.bc.ca/~gartho/CreativeLinguistics.pdf> June 2012).
 41. Vagin, I.O. The best psycho-techniques for success. Retrieved from <http://lib.ololo.cc/b/214699> (2010). 07-Nov-2010.
 42. Алейников, А.Г. О креативной педагогике / А.Г. Алейников // Вестник высшей школы.
 43. Алейников, А.Г. Созидание грамматики и грамматика созидания / А.Г. Алейников. – М Военный институт, 1990 а.
 44. Алейников, А.Г. Творческая ориентация в преподавании и изучении теоретических дисциплин / А.Г. Алейников. – М Военный институт, 1990 а.

Материал поступил в редакцию 18.01.20

КРЕАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А.Г. Алейников, доктор философии в области филологии, президент
Международная Академия Гениальности (Монтерей, Калифорния), США

Аннотация. Данная статья в сжатом виде представляет Креативную лингвистику, введенную около 32 лет назад, в 1988 году, статьей в сборнике Института Языкознания, Академии Наук СССР. Это обзор введения и развития концепции нового направления исследования в лингвистике с последующими результатами этого исследования, внедренными в педагогику, менеджмент, психологические, социальные и даже естественные науки.

Ключевые слова: креативная лингвистика, креативная педагогика, творчество, язык творчества, творчество языка, созидоника, созидолингвистика.

УДК 80

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ****О.В. Черединова¹, О.А. Краснова², М.Н. Романькова³, Л.В. Токарева⁴**^{1,3,4} старший преподаватель, ³ доцент,

Новосибирский государственный медицинский университет, Россия

***Аннотация.** В медицинском вузе одним из наиболее значимых элементов обучения иностранному языку является работа с текстом, его перевод с одного языка на другой. Главное требование к переводу – это адекватность. И основная задача переводчика состоит в том, чтобы умело произвести различные переводческие трансформации, чтобы текст перевода как можно более точно передавал информацию текста оригинала.*

***Ключевые слова:** адекватность перевода, лексические единицы, различные подстили, специальная терминология, заимствования, реалии, переводческие трансформации.*

Поскольку человек находится в социуме, общается и взаимодействует с другими людьми, ему приходится соответствовать определенной модели поведения, воспринимать процессы в окружающем мире, осуществлять индивидуальную, в частности, творческую и исследовательскую деятельность. Все это было бы невозможно без владения языком. Поэтому именно язык является средством доступа ко всем ментальным процессам человека. Отсюда, когнитивный подход к языку. Он представляет более широкий и информативный потенциал изучения языка в целом – его единиц, начиная с элементов слов и заканчивая текстовыми единицами, индивидуально значимыми или входящими в другие единицы [6].

Основными единицами речевой коммуникации, как известно, являются не отдельные слова и фразы, а развёрнутые высказывания. Языковой формой выражения этих высказываний является текст. Любая речь состоит из слов и словосочетаний, но они обретают смысл только когда представляют единое речевое сообщение, то есть образуют текст и передают его содержание. При этом в тексте значение отдельных слов часто значительно отличается от значения слов, используемых изолированно от текста, поскольку только в развёрнутом высказывании любое слово получает своё осмысление. Связность является главной характеристикой текста. Она обеспечивается через сочетание и взаимодействие многих факторов, которые включают в себя особую организацию грамматических и лексических средств, особую композиционную структуру, логическую последовательность изложения материала, само содержание текста и его коммуникативную направленность.

В неязыковом вузе одним из наиболее значимых элементов обучения иностранному языку является работа с текстом, его перевод с одного языка на другой. Этот вид речевой деятельности можно рассматривать с разных сторон, как средство овладения иностранным языком, как возможность развития определённых умений и навыков, и как вид контроля точности понимания. При переводе используются различные приёмы сравнения и сопоставления языка оригинала и языка перевода. Использование данных приемов вызывает значительную активность высшей нервной деятельности, что благотворно сказывается на процессе обучения. При переводе формируется как языковая, так и речевая компетенция. Языковая компетенция подразумевает знание фонетики, лексики и грамматики, а речевая – умение свободно выражать свои мысли на иностранном языке.

Перевод, как известно, представляет собой вторичный текст, и у большинства студентов, начинающих заниматься переводом складывается мнение о том, что их деятельность заключается только в приблизительном копировании текста оригинала, то есть в приблизительной передаче его содержания. Это мнение абсолютно ошибочно. Чтобы обеспечить точное и полное понимание замысла автора, в тексте перевода должны быть соблюдены все особенности изложения информации, и перевод должен быть исчерпывающе точным в плане передачи смыслового содержания первичного текста, текста оригинала. Главное требование к переводу – это адекватность, то есть точная передача формы и содержания подлинника равноценными средствами. Перевод как акт межязыковой коммуникации

представляет собой процесс, состоящий из многих аспектов. Он складывается из целого ряда составляющих – это владение широким набором словообразовательных и грамматических моделей, лексики различной стилистической окраски, наличия обширных фактических и фоновых знаний, высокого уровня владения еще и родным языком. И при правильном подборе учебных текстов, содержащих аутентичный информационный материал по специальности, у студентов формируются навыки контекстуальной адаптации лексико-грамматических структур, умение распознавать коннотативный компонент семантики слова, и передавать стилистические особенности текста.

Многие студенты медицинского университета уже с первого курса начинают заниматься наукой, не говоря уже о старшекурсниках и аспирантах. А поскольку львиная доля новейшей информации, в данном случае по медицине, выходит на английском языке, на занятиях большое внимание уделяется именно переводу научных текстов, которые характеризуются особым научным стилем, основная функция которого – передача логической информации и доказательств ее истинности. Научный стиль включает в себя несколько подстилей, а именно, собственно научный, научно-информативный, научно-учебный, научно-популярный. У каждого из этих подстилей есть свои особенности. Поскольку адресатами научного стиля являются специалисты и учёные, в нем объясняются только новые термины и не объясняются факты и сокращения, общеизвестные в науке. Научно-учебный подстиль адресован будущим специалистам с целью овладения определенной суммой знаний, которая необходима для получения образования и приобретения специальности, поэтому текст обычно начинается с определения понятия, объясняются многие термины и сокращения; в текстах, как правило, даются типовые примеры и факты, и количество предложений значительно меньше. То есть средства собственно научного изложения «разбавляются» средствами, которые делают более доступной научную информацию и облегчают ее усвоение. Таким образом, научно-учебный подстиль соединяет в себе черты собственно научного и научно-популярного подстиля. Он не такой «строгий», как первый, и не такой «увлекательный», как второй [4].

Основными элементами любого текста, как известно, являются лексические единицы. При их переводе на другой язык необходимо учитывать два процесса, которые тесно связаны друг с другом – это определение содержательной стороны лексических единиц, составляющих текст оригинала, и воспроизведение этого содержания на родном языке. Поэтому при обучении студентов переводу очень важно обратить их внимание на различия в способах выражения мысли на родном и изучаемом языках. Так, значение одной аналогичной языковой единицы в языке оригинала и языке перевода может быть разным, то есть может быть передан другими языковыми средствами и значениями, но при этом перевод должен быть абсолютно точным в передаче смыслового содержания. О том, как правильно передавать информацию, существуют различные точки зрения, которые выражены в различных теориях. *Трансформационная теория*, представителями которой являются И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, Ю. Найда, утверждает, что процесс перевода представляет собой не межъязыковую трансформацию, а поиск и передачу информации, не исключающую лексических и семантических трансформаций. Представители *ситуационной теории* уделяют внимание сопоставлению языковых стандартов в аналогичных ситуациях, это делает речь аутентичной, свободной от влияния родного языка, на который осуществляется перевод. Л.И. Рецкер и другие предлагают *Теорию закономерных соответствий*, согласно которой необходимо вычленять и запоминать постоянные эквиваленты, осуществлять перевод, исходя из контекста, использовать такие приёмы, как конкретизация или генерализация значения, описательный или антонимический перевод. Все эти теории не являются взаимоисключающими, они дополняют друг друга.

Одной из важнейших задач научно-учебного подстиля является использование в текстах специальной терминологии. Наличие этой группы слов указывает на то, что данный текст относится к определенной научной области. Так, медицинские термины по своему происхождению можно разделить на несколько групп. Прежде всего это латино-греческие заимствования. В них произошли изменения фонетической и лексико-семантической структуры в процессе приспособления к нормам русского языка, они составляют основную группу специальной медицинской терминологии, например, *mandible* – мандибула (нижняя челюсть), *cranial* – краниальный (черепной), *degeneration* – дегенерация (перерождение) и т.д.). Такие термины, как правило, не создают трудностей при переводе, так как являются интернациональными медицинскими терминами (*лейкоциты*, *анемия*, *кардиоваскулярная система*). В медицинской терминологии могут также встречаться и словосочетания. Они представляют собой другую группу терминов, обозначающих понятия, которые существуют в англоязычных странах, и для которых имеются общепринятые русские эквиваленты, так, *general physician* – врач

общей практики, *systemic circulation* – большой круг кровообращения. И, наконец, есть термины, обозначающие понятия, которые существуют в англоязычных странах, но не имеют эквивалентов, общепринятых в русском языке, поэтому их перевод может оказаться сложной проблемой и приходится прибегать к приблизительному переводу: *registered nurse* – младшая медсестра, *resident* – ординатор, *evidence-based medicine* – доказательная медицина. А, поскольку, мы работаем со студентами младших курсов, у которых еще недостаточно фоновых знаний, наблюдаются типичные ошибки в переводе терминологических элементов. Главная из них – это «иллюзия понятности», которая означает соотнесение слова не с тем референтом, с которым оно действительно соотносится, хотя слово кажется понятным. Например, слово *haemorrhage*, которое означает *кровотечение*, часто переводят как *геморрой*, слово *administration* (*назначение*) как *администрация* и т.д. То есть незнание точного определения термина приводит к речевым ошибкам, что искажает содержание высказывания [1]. Поэтому, чтобы по возможности избежать подобных ошибок, в упражнениях, которые предшествуют переводу текста, мы даём объяснение терминов с помощью синонимов, различных по звучанию, но имеющих общее значение, или этимологическим способом описания, когда термины трактуются через описание их частей. Например, *haemorrhage* = *bleeding*, *gastritis* = *inflammation of the stomach*. Синонимия изначально использовалась для наиболее точного воплощения коммуникативных намерений адресанта, позволяя выбрать в конкретных обстоятельствах наиболее адекватную единицу из ряда близких по смыслу. Но в любом случае главной особенностью специальных научных терминов, является их лексическая однозначность и строгая семантическая однонаправленность. Но существуют факты омонимии, которые в некоторой степени противоречат этой особенности специальных терминов. Характеристика терминологической информации с точки зрения семантики во многом совпадает с научным определением информации, представляя собой обобщение, выраженное в языковой форме, которое появляется в процессе практического и теоретического познания и используется в профессионально-научной деятельности, то есть данный термин приобретает совершенно отличное значение и может рассматриваться как омоним к общеупотребительному слову. Так, например, слово *management*, которое имеет значения *управление*, *администрация*, в медицине приобретает лексико-семантический вариант *лечение*. Явление омонимии в терминологии определяется несколькими факторами: существованием в различных терминологических системах одинаково звучащих и одинаково пишущихся единиц номинации (*операция* в медицине, в банковском и в военном деле); употреблением термина или общеязыкового слова в другом специальном языке, то есть вхождением этой лексической единицы в другую терминологическую систему (так в генетике слова *sentence*, *word*, *synonym* употребляются для обозначения различных последовательностей нуклеотидов); наличие идентичных наименований у многоаспектных объектов, которые обозначают разные понятия в каждом из специальных языков, так слово *pupil* (*ученик*) в медицине *зрачок*, *temple* (*храм*) – *висок*. Подобных примеров можно привести огромное количество. Ссылки на то, что реализация значения неоднозначного слова происходит в контексте, в лингвистической литературе встречаются довольно часто. Чем больше слово употребляется в различных контекстах, тем обширнее становится круг его значений, например, слово *agent* в текстах медицинского содержания может передаваться как *фактор*, *препарат*, *механизм*, *барьер* и т.д., в зависимости от контекста. Это увеличивает сочетаемость подобных слов, что, в свою очередь, делает возможным их употребление в новых контекстах. Контекстуальное значение слова во многом зависит от характера семантического контекста, от семантики сочетающихся с ним слов [7]. Таким образом, в конкретной коммуникативной ситуации необходимая терминологическая информация адекватно воспринимается благодаря только специальному контексту высказывания [8].

Следующей категорией лексических единиц, часто используемых в текстах, представляют собой заимствования, которые всегда являлись мощным средством пополнения словарного запаса, и представляют собой универсальное средство наименования новых реалий, проникающих в русскоязычную культуру из других культур, в основном англоязычных. Англоязычные заимствования употребляются сегодня и в бытовой разговорной речи, и в языке прессы, и в составе терминологической базы наук. Некоторые из реалий были заимствованы вместе с языковыми единицами и вытеснили существующие русские аналоги, так как считаются более благозвучными (например, *офис*), иногда русский аналог является слишком громоздким и заменяется более коротким и ёмким (например, *рецепши*) [2]. Однако в специальных текстах медицинского содержания при переводе подобных слов часто используются русские аналоги. Если, например, речь идёт о лечебном медицинском учреждении, то *office* – это *кабинет*, а *reception* – *регистратура*.

Таким образом, в сферу прагматической проблематики перевода входит очень широкий круг

вопросов, и при переводе текстов часто возникают затруднения. И это совершенно очевидно. Особенно эти затруднения касаются перевода реалий. Поскольку они не имеют точных соответствий и эквивалентов в русском языке, то не поддаются переводу на общих основаниях, а требуют особого подхода. Они передаются в контексте не путем перевода. Переводчику приходится учитывать многие факторы и опираться на общие теоретические положения, на владение языком, на фоновые знания, на опыт, на контекстуальную обстановку, и в каждом случае выбирать наиболее подходящий путь передачи данной реалии. В процессе перевода осуществляется прагматическая адаптация исходного текста, то есть внесение определённых поправок на социально-культурные и другие различия между получателями оригинального и переводного текстов. При поиске вариантных и контекстных соответствий реалий часто эффективным является использование электронных словарей и информационных ресурсов Интернета. Качество перевода в значительной степени и заключается в умении найти и выбрать то соответствие единице оригинала, которое является наиболее подходящим по условиям контекста и по стилистическим нормам. Но зачастую, передать предметное содержание реалии возможно только при применении приблизительного перевода (*drugstore – аптека, over-the-counter drugs – лекарства, отпускаемые без рецепта*), при этом обычно теряется колорит, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю словом или словосочетанием [5].

Понятие эквивалентности, это как известно, основное понятие в теории перевода, которое предполагает адекватную передачу различных составляющих. И основная задача переводчика состоит в том, чтобы производить переводческие трансформации так, чтобы текст перевода как можно более точно передавал информацию текста оригинала, при соблюдении соответствующих норм языка перевода. Трансформация оригинального текста часто оказывается единственной возможностью добиться адекватности перевода. При этом переводчик всегда должен помнить, не он автор текста, и изменения, которые он вносит, должны полностью соответствовать информации исходного текста. Так, при переводе можно столкнуться с трансформациями, которые по сути являются противоположными: добавлениями в тексте, с одной стороны, и опущениями, с другой. Чтобы овладеть этими трансформациями необходимо иметь не только большой словарный запас и знание грамматики, но и обладать общей эрудицией и фоновыми знаниями предмета. Так, при переводе атрибутивных сочетаний часто требуется использование дополнительных элементов (*motor cortex – двигательный отдел коры, research institute – научно-исследовательский институт, systemic circulation – большой круг кровообращения, vital organs – жизненно-важные органы*). Переводчик также имеет право опускать некоторые элементы исходного текста, перевод которых привёл бы к нарушению синтаксических и стилистических норм родного языка (*people with diabetes – диабетика*). Однако, нельзя этим приёмом злоупотреблять и исключать все, что представляется непонятным или трудным для перевода [3]. Прибавочная и недостающая информация может привести к искажению смысла и считается грубой ошибкой.

В любом оригинальном тексте естественно взаимодействуют несколько факторов – особая организация грамматических и лексико-семантических средств, композиционная структура, логика изложения и само содержание текста, и основная задача переводчика – правильно понять текст оригинала и как можно более точно донести этот текст до читателя. Таким образом, чтобы сформировать у студентов переводческие умения, необходимо прежде всего научить их эффективно обрабатывать лингвистический материал и применять различные аналитические методы решения возникающих при переводе проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенская, Л.А. Культура и искусство речи. Современная риторика / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов – на/Д.: Феникс, 1995. – С. 576.
2. Дельва, А.Е. Современные социокультурные мифы: лингвокультурологический аспект / А.Е. Дельва. – С. 33–34.
3. Зарочинцева, И.В. Некоторые проблемы лексико-грамматических трансформаций при обучении переводу / И.В. Зарочинцева. – С. 93.
4. Казарцева, О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения: учебное пособие / О.М. Казарцева. – М.: Флинта, Наука, 1999. – С. 496.
5. Кинчина, Е.В. Основные трудности при переводе реалий / Е.В. Кинчина. – С. 111–112.
6. Кобрина, Н.А. Когнитивная лингвистика. Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, 23-24 апреля 2009 г / Н.А. Кобрина. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – С. 19.
7. Лысенкова, Ю.А. Контекстуальное значение широкозначного слова в английском языке и его особенности / Ю.А. Лысенкова. – С. 182.

8. Шилкина И.Г. Омнимичные образования в терминосистеме английского языка / И.Г. Шилкина. – С. 132–133.

Материал поступил в редакцию 22.01.20

**SEMANTIC VARIATION OF LEXICAL UNITS
IN THE TRANSLATION OF SCIENTIFIC MEDICAL TEXTS**

O.V. Cheredinova¹, O.A. Krasnova², M.N. Roman'kova³, L.V. Tokareva⁴

^{1, 3, 4} Senior Lecturer, ³ Associate Professor
Novosibirsk State Medical University, Russia

***Abstract.** In a medical school, one of the most important elements of teaching a foreign language is working with a text and translating it from one language to another. The main requirement for translation is adequacy. Moreover, the main task of the translator is to skillfully perform various translation transformations, so that the translation text as accurately as possible conveys the information of the original text.*

***Keywords:** translation adequacy, lexical units, various sub-categories, special terminology, borrowings, realities (nationally biased units), translation transformations.*

УДК 81.42

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕРБАЛЬНЫХ И ЦИРКУЛЯРНЫХ НОТ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

О.Ю. Щибря¹, Е.С. Ганюшкина²

¹ доцент, кандидат филологических наук, ² студент
Кубанский государственный университет (Краснодар), Россия

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей и трудностей перевода циркулярных нот с немецкого языка на русский. Данная статья написана с целью дать переводчику минимальный объем информации, которая поможет ему избежать казусов связанных с переводом дипломатических тестов, к которым относятся вербальные циркулярные ноты. В статье подчеркивается, что переводчик дипломатических текстов должен быть максимально корректен при переводе политических документов, так как всего лишь одна ошибка может стать причиной серьезных конфликтов.

Ключевые слова: вербальная нота, циркулярная нота, трудности, особенности, немецкий язык, русский язык.

В международной и отечественной дипломатической практике наиболее часто используются следующие виды документов, с которыми переводчикам приходится работать: ноты, послания, памятные записки, меморандумы, частные письма полуофициального характера и т.д. По традиции все виды переписки между дипломатическими представительствами и правительствами стран пребывания именуется термином «нота». Существуют разные виды нот: личные, коллективные, идентичные, вербальные, циркулярные. Рассмотрим более подробно каждую из них.

Личная нота направляется по запросам принципиального значения или в порядке информирования о каких-либо важных событиях и фактах. Коллективная нота – документ, представляющий согласованную позицию дипломатических представителей нескольких стран. Идентичная нота – ноты одного содержания, отличающиеся по форме, времени отправки; направляются главами дипломатических представительств. Вербальная нота содержит информацию, которая приравнивается к устной. Она направляется по самым разным вопросам от запроса на визу до информации представительского характера. Циркулярная нота – это разновидность вербальной ноты, с помощью которой МИД извещает дипломатические представительства об их статусе, об участии в различных мероприятиях. Ярким примером циркулярной ноты являлась нота русского канцлера Горчакова об отказе России от установленных после Крымской войны ограничений ее суверенных прав на Черном море. Далее речь пойдет именно о вербальных и циркулярных нотах и особенностях их перевода с немецкого языка.

Для начала рассмотрим, как оформляется вербальная нота. Создание такого документа требует строгого соблюдения определенных правил. Во-первых, текст составляется в третьем лице, от имени министерства, посольства и т.д., печатается на специальном нотном бланке и не подписывается. Во-вторых, нота начинается с комплимента обращения, содержащий комплимент, далее следует текст и его завершение также сопровождается комплиментом. Например, «*свидетельствует свое уважение... и имеет честь сообщить...*»/«*...bezeugt...seine Hochachtung und beehrt sich mitzuteilen...*», «*пользуется этим случаем, чтобы возобновить... уверения в своем весьма высоком уважении*»/«*benutzt diesen Anlass, ... erneut seiner ausgezeichneten Hochachtung zu versichern*». Придать ноте необходимую тональность помогает обширный спектр формул вежливости. Комплимент будет неуместен, если нота информирует об объявлении в стране траура, содержит протест, выражает соболезнования. В-третьих, в правом верхнем углу ноты печатается название города и дата отправления. Адрес получателя указывается на первой странице в левом нижнем углу в дательном падеже, на иностранном языке в именительном падеже. Документ скрепляется гербовой печатью посольства или министерства. Вербальная нота, являющаяся ответом на предшествующий дипломатический акт, после обращения содержит фразу: «В связи с нотой Посольства (МИД) №... от (дата)... имеет честь сообщить...», а заканчивается также клишированной фразой.

При переводе дипломатического текста, в данном случае вербальных, циркулярных нот, пере-

водчик может встретиться с такой проблемой как многообразие диалектов немецкого языка. Немецкий язык относится к западногерманским языкам индоевропейской языковой семьи. В результате длительного развития и его широкого территориального распределения сформировалось огромное количество диалектов. Только в Германии их около 16. Тем не менее, существует „Hochdeutsch“, который используется в официальных документах.

„Hochdeutsch“ богат многочисленным набором правил и исключений, фразеологизмами, синтаксическими конструкциями, устойчивыми словосочетаниями, неологизмами, заимствованными словами, речевыми клише и терминологической лексикой. Все это может создать некие трудности при переводе с немецкого языка на русский. Итак, обо всем по порядку.

Как и в любом другом языке, первую трудность для переводчика составляет выбор правильного значения многозначного слова. Даже основа слова в немецком языке может иметь разные значения в зависимости от тематики, в которой она употребляется. Но все значения слова объединены довольно обширной общей схемой, которую переводчик должен понимать скорее интуитивно, чем на уровне заученных словарных значений. При этом необходимость найти более конкретное русское соответствие требует от переводчика обязательного знания тематики.

Другая проблема или скорее особенность немецкого языка – это сложносоставные слова. Они часто выражают не просто понятие, а логическое содержательное отношение. Многие из таких слов не занесены даже в словари. На русский язык эти слова переводятся не дословно, а описательным выражением, передающим смысл. Иногда одно сложносоставное слово в немецком языке может переводиться на русский несколькими предложениями или абзацами. Переводчик должен не просто перевести словестную структуру, а улавливать игру слов и адекватно передавать ее.

Этого метода перевода требуют и фразеологизмы, и устойчивые словосочетания. Многие из них не имеют эквивалента в русском языке, поэтому переводчик должен чувствовать тонкую грань между немецкими и русскими фразеологизмами и устойчивыми выражениями. Для этого ему необходимо владеть в совершенстве не только немецким языком, но и русским. Например, „...von diesem Standpunkt aus (betracht)...“ – «...с этой точки зрения»; „...juristischen gesehen...“ – «...с юридической точки зрения...»; „...abgesehen von...“ – «...за исключением, не говоря о...».

Проблемы нередко создают многочисленные заимствования из немецкого языка в русский. Как правило, слова заимствуются в узком значении, причем не всегда употребительном. И когда слово-источник употребляется в более широком значении или просто другом, возникает эффект «ложных друзей переводчика». Например, немецкое слово „Führer“ и русское «*фюрер*». Часто русскоязычные переводчики ставят между этими словами знак равенства, но это не верно. Переводчик должен иметь в виду, что „Führer“ переводиться, как «*фюрер*» только, если речь идет о Гитлере или других нацистских деятелях. В остальных случаях оно означает «вождь».

При переводе большую сложность составляет несовпадение грамматических значений ряда глагольных форм. Есть такие времена („Imperfekt“ и „Plusquamperfekt“), которые с трудом переводятся на русский язык, так как не имеют аналогов. И при выборе видовой формы русского глагола нужно исходить из контекста. Так же в немецком языке существует развитая система „Konjunktiv I“ и „Konjunktiv II“, и во многих случаях глаголы в сослагательном наклонении должны передаваться русскими глаголами в изъявительном. Эти конструкции в косвенной речи являются средством выражения аргументированности. Например, „das könnte die Bestimmung sein, die den Geist Kants, den Geist dieser Universität und vielleicht auch Ihren wiedergibt; Und was wäre uns allen erspart geblieben, wenn es den Überfall der faschistischen Deutschland auf die damalige Sowjetunion nicht gegeben hätte?“ (Rede von Bundeskanzler Gerhard Schröder anlässlich der Umbenennung der Albertina-Universität in Immanuel-Kant-Universität am 3. Juli 2005 in Kaliningrad) – «Это может быть судьба, которая отражает дух Канта, дух этого университета и, возможно, ваш тоже; И что бы мы все имели сейчас, если бы фашистская Германия не напала на бывший Советский Союз?»

Одновременно особенностью и сложностью перевода вербальных и циркулярных нот является соблюдение строгих правил пользования стандартными языковыми шаблонами. Переводчик должен иметь навык делового этикета.

Также он должен знать, что сокращения и аббревиатуры исходного текста должны расшифровываться и передаваться по общепринятым правилам, но если на языке оригинала имеются сокращения, не поддающиеся расшифровке, то такое сокращение принято транскрибировать.

В тексте перевода дипломатических текстов должны отсутствовать синтаксические структуры исходного языка, и он должен удовлетворять общепринятым нормам языка перевода.

Дипломатическая речь, особенно в личных нотах, часто богата цитатами, выражениями известных людей. Это означает, что переводчик должен быть ознакомлен с историей и культурологией страны языка, с которого он переводит.

Нельзя забывать и о том, что перевод должен воспроизводить оригинал не только в целом, но и в частях. Предполагается точный порядок изложения переводчиком содержания оригинала: количество и содержание разделов, частей, глав должно совпадать.

Переводчик должен руководствоваться следующими основными пунктами стратегии перевода: объективности, обобщенности, информативности, логической организованности изложения, смысловой ясности, определенности и строгим соблюдением дипломатической этики. У него должны быть развитый кругозор, быстрая реакция и хорошая память.

Но ключевой особенностью перевода не только с немецкого, но и с любого другого языка, является опасность ошибки. Неточность или неправильность в переводе может обернуться неприятными последствиями. Переводчики на международной арене становятся «серыми кардиналами», способными повлиять на изменения внешней политики государствами всю атмосферу мирового общества одним неточно переведенным словом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вуд, Д. Дипломатический церемониал и протокол / Д. Вуд, Ж. Серре. – М., 1976. – С. 208-210.
2. Вахранева, Н.А. Обучение переводу дипломатических документов / Н.А. Вахранева. – Йошкар-Ола.
3. Волкова, Т.А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов / Т.А. Волкова // Журнал «Политическая лингвистика». – Челябинск. – 2011. – Вып. 3. – С. 18.
4. Баландина, Л.А. Язык дипломатии: традиции и современность / Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия / Л.А. Баландина, Г.Ф. Кураченкова // Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 2011. – С. 7–8.
5. Джафаров В. Дипломатия и дипломатическая переписка / В. Джафаров. – Баку, Азербайджан, 2010. – С. 66–72.

Материал поступил в редакцию 31.12.19

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF THE VERBAL AND CIRCULAR NOTES FROM GERMAN TO RUSSIAN

O.Yu. Shchibrya¹, Ye.S. Ganyushkina²

²Student

Kuban State University (Krasnodar), Russia

Abstract. *This article is devoted to the peculiarities and difficulties of translating circular notes from German into Russian. This article is written in order to give the translator a minimum amount of information that will help him avoid the incidents associated with the translation of diplomatic tests, which include verbal circular notes. The article emphasizes that the translator of diplomatic texts should be as correct as possible when translating political documents, since just one mistake can cause serious conflicts.*

Keywords: *verbal note, circular note, difficulties, features, German, Russian.*

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Г.В. Ахмедова, старший преподаватель
 Азербайджанский Университет Языков (Баку), Азербайджан

Аннотация. В статье анализируются источники лингвистики и мнения лингвистов в связи с определительным придаточным предложением в лингвистике. Здесь, одновременно, дается информация о тех союзах, которые используются в построении определительных придаточных предложений на немецком языке. В том числе, отмечается, что определительное придаточное предложение в силу своей способности предоставления широкой информации сравнивается с другими придаточными предложениями по своему содержанию.

Ключевые слова: сложное предложение, подчиненное сложное предложение, главное предложение, определительное придаточное предложение, союзы, относительные местоимения.

Придаточные предложения, с точки зрения характера семантических синтаксических отношений между главными и придаточными предложениями в лингвистической литературе, делятся на две группы: «придаточные предложения, связанные с общим содержанием главных предложений» и «придаточные предложения, связанные с одним членом главного предложения». При этом считается, что данная позиция является верной, по своей сути, потому, что в придаточных предложениях, связанных с одним членом главного предложения в отличие от придаточных предложений, связанных с общим содержанием главного предложения, структурная синтаксическая связь бывает более чем сильной. Во втором случае решающей значимостью владеет синтаксическая семантика, логическая синтаксическая связь между компонентами подчиненных сложных предложений.

Определительные придаточные предложения достаточно исследованы на немецком языке (Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, В. Адмони, О. Москальская, Э. Шендельс, К. Лехман, К.Е. Зоммерфельт, Г. Старке, У. Энгельс и другие). Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева отмечают, что определительные придаточные предложения выступают в выражении точного установления любого члена в главном предложении [3, с. 268]. Соединительными средствами определительных придаточных предложений выступают такие относительные местоимения, как *der, die, das; welcher, welche, welches; wer, was*.

Первично значение местоимений *der, die, das* и местоимений *welcher, welche, welches*, используемых в 16-18 века отличались в определенной степени, тогда как в современном языке их семантика является одинаковой и чтобы не допускать повторы употребляется, то или другое местоимение [3, с. 268; 5, с. 373]. Такие лингвисты, как Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, Э. Шендельс отмечают, что употребление того или другого местоимения носит стильный характер. В придаточном предложении во время употребления корреляций *der, derjenige, solcher* в придаточном предложении употребляется местоимение *welcher*. Например, */Derjenige Fluß, welcher sich in einen anderen ergießt, wird Nebenfluß genannt/*. Такие относительные местоимения, как *der, die, das* в основном применяются для определения существительного и личных местоимений [5, с. 374]. Например, */Er, der hinten stand, sah nichts/*, */Wir suchen ein Landhaus, das näher am Bahnhof liegt/* и т.д.

Э. Шендельс отмечает, что употребление предложения */Starke Verben nennt man die, die eine Veränderung des Wurzelvokals aufweisen/* как */Starke Verben nennt man die, welche eine Veränderung des Wurzelvokals aufweisen/* является более верным со стилистической точки зрения. Э. Шендельс отмечал, что если в главном предложении употребляются такие корреляты, как *nichts, dieses, solches, etwas, viel, manches*, то в этот момент определительное придаточное предложение образуется из *was* и

обстоятельных местоимений (*worüber* и т.д.) [5, с. 374].

Тот факт, что определения как члены предложения носят зависимый характер, на самом деле, мнение о том, что определения не являются самостоятельными членами предложения, и что определение является «членом члена предложения» позволяет создать новые формы определительных придаточных предложений. По мере того, что определения относятся к любому члену предложения, выражающегося существительным, определительные придаточные предложения служат расширению или дополнению смыслом, уточнению любого члена предложения, выраженного существительным или же местоимением. Неслучайно тот факт, что такие лингвисты как О. Москальская, Э. Шендельс и другие называют определительные придаточные предложения *Teilgliedsätze*. Как известно, согласно другому делению, придаточные предложения разделяются на две группы – придаточные предложения, связанные со всем содержанием главного предложения и придаточные предложения, связанные с каждым членом главного предложения. Определительные придаточные предложения стоят на нижней ступени второго ряда и по своему семантическому грамматическому содержанию не носят самостоятельный характер, и как уже отмечено, служат определению, характеристике любого члена главного предложения, которое выражается существительным, тогда как, определительные придаточные предложения, относящиеся к местоимениям, занимают в данной системе специфическое место.

Языковые факты подтверждают, что в современном немецком языке каждый тип придаточного предложения по своему функциональному развитию, не могут сравниваться с определительными придаточными предложениями. Определительные придаточные предложения предоставляют необходимые сведения, информацию для дополнительного общения о предметах, вещах, событиях, которые определяются определительными придаточными предложениями, характеризуют их по внешним и внутренним, рабочим признакам, толкуют и дают им объяснение размещения в пространстве, временным параметрам с точки – зрения причинной – следственной связи. В современном немецком языке определительные придаточные предложения по сравнению с другими определительными придаточными предложениями преобладают в обязательном порядке с точки – зрения количества и употребляются в речи в широкой форме.

Семантическое и синтаксическое содержание определительных придаточных предложений устанавливает характер средств формирования, возникновения их в языке. Они связаны с неким словом с членом конкретного предложения, выраженного существительным, соединяются в тесном и в динамическом интонационном единстве с главным предложением за их расширение, дополнение и обособление, склонны к обусловленности синтаксическими средствами в большой степени, слова, к которым они относятся, сохранив свою зависимость, не могут опережать главное предложение, а также в условиях тесной связи с компонентом, которому они относятся, то ли находятся между сторонами главного предложения, то ли между главными предложениями – после слов, которым они непосредственно относятся.

Э.В. Гулыга различает три типа придаточных предложений, мотивированных на отношения между членом предложения и придаточным предложением – два функционального синонима и один тип, который вообще не является синонимом [2, с. 152]. По его мнению, первый тип основан на возможность замены придаточного предложения с членом предложения. Второму типу функциональных синонимов относятся придаточные предложения, которые выполняют функцию члена предложения, но, по некоторым причинам не подвергаются конкретной замене. Третьему типу, не являющегося синонимом, относятся придаточные предложения, у которых не имеются функциональные синонимы в качестве члена предложения.

Определение, будучи членом предложения, не является самостоятельным, отчего определительные придаточные предложения не носят самостоятельного характера, а также служат толкованию, расширению с точки – зрения содержания и структуры любого члена главного предложения, выраженного существительным. С этой точки зрения наименование придаточных предложений «определительными придаточными предложениями», носит абсолютно относительный характер определения. Неслучайно, что В.Г. Адмони называет определительных придаточных предложений «относительными придаточными предложениями» [1, с. 338]. В.Г. Адмони отмечает, что данные придаточные предложения зависят от существительных, в том числе, местоимений – существительных и существительных слов и определяет их. Относительные придаточные предложения образуются на немецком языке из относительных местоимений (с корнем *d* и *w*), относительных местоименных наречий (с корнем *w*), такими союзами, как *daß*, *als ob*, *als* и в некоторых случаях из других [1, с. 338].

В.Г. Адмони отмечает, что относительные местоимения с корнем *d* в зависимости от синтаксических функций, которых они выполняют в придаточных предложениях могут выступать во всех формах падежей [1, с. 338]. Эти придаточные предложения с относительным местоимением обычно занимают постпозицию в отношении существительного, местоимения и существительных слов. В качестве относительных придаточных предложений, употребляемых в относительных местоимениях выступают имена прилагательные в качестве синонима, широкие конструкции глагольных определительных, глагольные определительные, определение, употребляемое в родительном падеже. Например:

/Er erblickte die Stadt, die grau war/ – /Er erblickte die grau Stadt/

/Da lag das Buch, das sie suchte/ – / Da lag das von ihr gesuchte Buch/ – / Da lag das Buch von ihr gesucht /

По мнению В.Г. Адмони, при определении 1 и 2 лиц относительные местоимения обычно выступают под сопровождением соответствующих местоимений, повторяющихся в пределах подчиненного сложного предложения в плеонастической форме [1, с. 338]. Например:

/Ich, der ich dir das sage.../

Относительные местоимения с корнем *w* употребляются во всех случаях. В.Г. Адмони делит их на две группы [1, с. 338]:

1) Относительное местоимение *welcher*, которое мало употребляется и совпадает с относительным местоимением *der* с точки зрения своего употребления. Этот лингвист отмечает, что относительное местоимение *welcher* в основном используется для предотвращения столкновений между артиклем *der* относительного местоимения *der*. Например, *...der Mann, der der Frau noch Geld schuldet*.

2) Относительные местоимения *wer* и *was*, которые связаны словами, выражающими обобщение или неопределенность. В данном случае слова, которые являются определительными, являются качественными прилагательными с характером существительного или становятся отрицательным словом *nichts*. Например:

/Das ist alles, was ich weiß//

/Das ist etwas, was ich nicht verstehe//

В.Г. Адмони отмечает, что в том случае, когда относительные придаточные предложения относятся к существительным *daß* и именно, здесь употребляются относительные придаточные предложения разъяснительного смысла [1, с. 339]. С такими предложениями, в которых не «удерживается» существительное, в составе которого имеется определение определяются только существительные с семантикой, которые выражают мнение, восприятие, речь и желание. Именно, существительные такого типа в качестве собственных выражений владеют придаточными предложениями, в составе которых они сами отсутствуют. Как синоним таких придаточных предложений выступает определение, которое является членом предложения или определение, употребляемое в родительном падеже. В.Г. Адмони полагает, что относительные придаточные предложения с содержанием ирреального сравнения встречаются в малом количестве [1, с. 339]. Такие предложения только могут употребляться тогда, когда их содержание получает ирреальную или подозрительную оценку в модальном плане. Например,

/Es entstand die Frage, ob er schlafe/ – /Die Empfindung, als ob er schlafe, war wieder da//

В том случае, когда определяемые слова выступают в качестве компонентов глагольных фразеологических единиц, придаточные предложения, зависящие от глагола и существительного, особенно оказываются близкими друг к другу. Например,

/Er fühlte, daß er wieder gesund war/ – /Er hatte das Gefühl, daß er wieder gesund war //

Согласно В.Г. Адмони относительные придаточные предложения, которые строятся с относительными местоимениями *der* и *welcher*, в содержательном плане являются в исключительной степени разного пола [1, с. 339]. К таким существительным в форме относительного придаточного предложения, а также всему предложению, где употребляется определенное существительное, подключаются смысловые комплексы, которые полностью отличаются от содержания смысла в главном предложении. Именно по этой причине, ведется различие «недействительных» относительных придаточных предложений, владеющих новым коммуникативным содержанием, которые не связаны с содержанием главного предложения с точки зрения содержания и «действительных» придаточных предложений, которые подключаются к задаче данного содержания и выражают содержание, непосредственно связанное с содержанием главного предложения [1, с. 340].

О. Москальская подчеркивает, что определительное придаточное предложение характеризуется своей односторонней зависимостью [4, с. 321]. По сравнению с дополнительными и обстоятельными придаточными предложениями особенностью определительных придаточных предложений является то, что они выступают в функции существительного или местоименного определения в главном предложении. Определительные придаточные предложения точно так же как определение употребляются непосредственно рядом с тем словом, к которому они относятся и вместе с ним меняют свое положение внутри подчиненного сложного предложения. По мнению О. Москальской, именно по этой причине, настоящие придаточные предложения образуют модель специального предложения [4, с. 321].

О. Москальская отличает нижеследующие структурно–семантические модели определительных придаточных предложений [4, с. 321]:

1. Определительное придаточное предложение означает отличительную особенность любого характерного предмета от других предметов, относящихся к одинаковому классу. Основой соответствующей связи между определенным существительным, а также, местоимением выступает взаимосвязь ограничительной детерминации. О. Москальская подчеркивает, что на немецком языке определительные придаточные предложения образуются с помощью местоимения – *w* и в форме соединения этих местоимений с префиксами, а также относительными местоимениями *der, welcher*. Например:

/Ich kenne nicht die Frau, die diesen Brief gebracht hat// – ¿Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen? (Goethe)

2. В определительном придаточном предложении предоставляется дополнительная информация об определенном предмете. Разъяснительная детерминация организует основу связи между определенным существительным и определительным придаточным предложением. Например:

/Ich sah einen Mann, der ganz in Schwarz gekleidet war//

3. Определительное придаточное предложение может охарактеризовать определяемое существительное путем сравнения. Сравнительная детерминация составляет основу связи между определительным придаточным предложением и определяемым словом. В таком случае определительное придаточное предложение строится местоимением *wie*. Например:

/Ich möchte ein (solches) Kleid, wie meine Freundin trägt//

Э. Шендельс отмечает, что определительные придаточные предложения на немецком языке обладают многочисленными функциональными синонимами. Он соотносит сюда нижеследующих [5, с. 375]:

1. Расширенное прилагательное, употребляемое до или после того слова, к которому оно относится, Например:

/Die Berge, die mit hohen Tannen bewachsen sind// – /Die mit hohen Tannen bewachsenen Berge// – /Die Berge, mit hohen Tannen bewachsen .../ – /Bewachsen mit hohen Tannen, erhoben sich ringsum die Berge//

2. Определение, выражаемое прилагательным. Например:

/die Blume, die schön ist// – /die schöne Blume/

/das Auto, das vorüberfährt/ – /das vorüberfahrende Auto/

3. Определение, употребляемое префиксом. Например:

/das Buch, dessen Einband zerrissen ist// – /das Buch mit dem zerrissenen Einband/

4. Определение, выраженное родительным падежом. Например:

/das Buch, das dem Studenten gehört// – /das Buch des Studenten /

5. Определение, выраженное наречием. Например:

/die Bemerkung, die vorhin fiel// – /die Bemerkung vorhin/

6. Определение, выраженное инфинитивом. Например:

/der Wunsch, daß ihn alle bewunderten// – /der Wunsch, bewundert zu werden/

7. Все виды выделений возникают в качестве соответствующих форм определительных придаточных предложений (Konkurrenzformen). Они притесняют содержание мнения. Например:

/Es waren starre Augen, glanzlos und in die Ferne gerichtet// (F, Fühmann. Böhmen am Meer)

Э. Шендельс отмечает, что замена всегда приводит к коммуникативным изменениям и к изменениям стиля [5, с. 376]. Это представляется возможным только в том случае, когда определительное придаточное предложение относится к существительному. В том случае, когда определяемое слово является местоимением, возникают другие соответствующие формы. По мнению Э. Шендельса, никакое придаточное предложение не является столь разно видовым, как определительное при-

точное предложение. Эти предложения могут предоставить любую дополнительную информацию о предмете, которая более ясно толкуется с точки зрения внутреннего или внешнего характера определяемого слова, что выражает пространственные, временные и причинные отношения, носит сравнительное понятие и означает непосредственный смысл речи. Именно поэтому определительные придаточные предложения преобладают в языке благодаря своему большому количеству.

Таким образом, в ходе анализа соображений, связанных с данной темой, мы можем прийти к такому заключению, что определительные придаточные предложения на немецком языке обладают более широкой возможностью употребления в отличие от других придаточных предложений. А это в свою очередь, обуславливает себя со своеобразностью и особенностями широкого применения определительных придаточных предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – Москва: Высшая школа, 1971. – 208 с.
3. Зиндер, Л.Р. Современный немецкий язык. Теоретический курс. Издание 2-е. / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева-Сокольская – Ленинград: Учпедгиз, 1941. – 362 с.
4. Moskalskaya, O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. Moskalskaya. – Moskau, 1983. – 344 S.
5. Schendels, E. Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text / E. Schendels. – M., 1988. – 416 S.
6. Sommerfeldt, K.E. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3 / K.E. Sommerfeldt, G. Starke. Neu bearbeitete Auflage, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1998. – 312 S.

Материал поступил в редакцию 21.12.19

FEATURES OF THE USE OF ATTRIBUTIVE SUBORDINATE CLAUSES IN GERMAN

G.V. Ahmedova, Senior Lecturer
Azerbaijan University of Languages (Baku), Azerbaijan

Abstract. *This article analyzes sources of linguistics and opinion of linguists in connection with an attributive subordinate clause in linguistics. Here, at the same time is given information on those unions which are used in creation of attributive subordinate clauses in German. In particular, it is noted that the attributive subordinate clause owing to the ability of providing wide information is compared to other subordinate clauses according to the contents.*

Keywords: *the compound sentence subordinated a compound sentence, the main clause, an attributive subordinate clause, the conjunctions, relative pronouns.*

УДК 811.161.1'37

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЫДЕННОЙ СЕМАНТИКИ МНОГОЗНАЧНЫХ БИОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

М.Г. Шкуропацкая¹, Т.В. Жукова²

¹ доктор филологических наук, профессор,

² кандидат филологических наук, доцент

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени В.М. Шукшина (Бийск), Россия

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования обыденной семантики многозначных бионимов в языковом сознании носителей русского языка с учетом их гендерной характеристики. Исследование было направлено на выявление общих и различительных признаков в семантике бионимов, обусловленных гендерной принадлежностью носителей языка. Поставленная цель достигается путем свободного ассоциативного эксперимента в форме анкетирования с последующим составлением и интерпретацией полученных ассоциативных полей. На основе количественного анализа, полученного фактологического материала было выявлено, что в мужских ассоциативных полях преобладают стереотипные реакции, а в женских маргинальные; мужчины при характеристике образа бионима отдают предпочтение внешним характеристикам референта, а женщины его внутренним качествам и особенностям поведения.*

***Ключевые слова:** гендер, многозначное слово, обыденная семантика, ассоциативный эксперимент.*

Настоящее исследование выполнено в русле проекта «Многозначное слово в сознании носителей русского языка», разрабатываемого авторским коллективом института гуманитарного образования Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (г. Бийск). Суть данного проекта заключается в экспериментальном исследовании многозначных слов русского языка с целью выявления их обыденной семантики у носителей языка, различающихся по возрасту и гендерной принадлежности.

В настоящем исследовании предлагаются предварительные результаты описания рефлексивной деятельности носителей языка, различающихся по гендерной принадлежности, по поводу слов-бионимов «обезьянка», «чижик», «собачка», «поросёнок», «уточка». Цель исследования – выявить и проинтерпретировать общие и различительные характеристики в семантизации многозначных слов-бионимов через свободный ассоциативный эксперимент, который проводился в форме анкетирования. Достоинством данного метода является его массовый характер, так как критерий частотности тех или иных вербальных ассоциаций может служить достаточно надёжным основанием для объективности полученных данных. Количество привлекаемых к эксперименту информантов составило 200 человек: 100 женщин и 100 мужчин. Эксперимент проводился в очной форме. Каждый участник эксперимента должен был заполнить от руки опросные листы, выполняя задание: «Напишите первое пришедшее Вам на ум слово, после того как Вы прочитали данное слово». Выбор задания был обусловлен намерением выявить прежде всего ассоциативно-чувственный слой семантики многозначного слова. Для нас важным является то, что чувственно-ассоциативную природу имеют большинство ЛСВ разных типов. В своё время это дало Д.Н. Шмелеву основание заметить, что признаки, различающие лексико-семантические варианты, «не являются ни дифференциальными семантическими признаками слов..., ни вообще конструктивными элементами значений... Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает

слово» [4: 193]. Наша гипотеза состоит в том, что гендерные различия в определении значения слова проявляются на концептном уровне семантики слова, выявляемой их ассоциативными полями.

На основании полученных ответов были построены гендерные ассоциативные поля для каждого стимула и произведена содержательная группировка их реакций. Основанием для группировки реакций на стимул по денотативной отнесенности служили данные толковых словарей [1; 2], однако в плане количества выделяемые группы реакций не всегда дублируют перечень значений словаре. Это объясняется тем, что «обыденная семантика, являющаяся результатом рефлексивной деятельности рядовых носителей языка, сложным образом коррелирует с семантикой, представленной в нормативных словарях, составленных профессиональными лексикографами» [3: 229].

В качестве иллюстрации представим «картину» актуализированных значений в гендерных ассоциативных полях бионима «чижик».

В ассоциативном поле бионима «чижик» и далее по тексту объединяются следующие реакции: варианты синтаксической синонимии, морфологические формы слова, близкие по значению словообразовательные варианты и фрагменты одного и того же прецедентного текста. В том случае, если реакция относится к нескольким значениям многозначного слова, она дублируется в каждом значении. В ассоциативных полях сохраняются орфографические написания информантов, принявших участие в ассоциативном эксперименте.

1. Уменьш. и ласк. к сущ. чиж: «небольшая певчая птичка семейства вьюрковых [2: 987]: муж. *пыжик* 32; *птица* 11; *пыжик где ты был* 3; *птичка* 3; *фонтан* 3; *дерево* 2; *маленькая птичка* 2; *птенец* 2; *анекдот* 1; *воробей* 1; *мультфильм* 1; *не пыжик* 1; *первая половина музыкального произведения, песня* 1; *Петербург* 1; *речка* 1; *рыжий* 1; *туман* 1; *чиж* 1; *чижик-ёжик* 1 (66); жен. *пыжик* 48; *птичка* 18; *птица* 17; *маленький (маленькая)* 2; *воробей* 1; *дорога* 1; *лес* 1; *лето* 1; *небо* 1; *паровозик* 1; *песенка* 1; *поёт* 1; *прогулки по лесу* 1; *прыжок* 1; *птенчик* 1; *птица чиж* 1; *пишено* 1; *проворность* 1; *Санкт-Петербург* 1; *стихотворение* 1; *тёплый птенчик* 1; *фонтан* 1; *юркость* 1 (103).

2. «Название детской игры» [2: 987]: муж. *игра* 3 (3); жен. *игра* 2; *название детской игры* 1 (3)

3. «Маленький ребенок»: муж. *мальш (ребенок)* 1 (1); жен. *мальчик* 1; *растрёпанность* 1; *проворность* 1; *юркость* 1 (4).

4. «Человек»: муж. *чувачок* 1; *щуплый безобидный человек* 1 (2); жен. *бомж* 1; *растрёпанность* 1 (2).

5. «Кличка»: муж. *кличка* (2); жен. *кличка* (1).

Данные эксперимента позволяют выявить как общие, представленные в языковом сознании носителей языка обеих гендерных групп, так и различительные характеристики бионимов, обусловленные гендерной принадлежностью информантов.

На первом этапе исследования были выявлены коэффициенты разнообразия и единичности реакций в гендерных ассоциативных полях. Коэффициент разнообразия определялся путем отношения количества разных ассоциаций в ассоциативном поле к общему количеству ассоциаций. Например, если общее количество ассоциаций в «женском» ассоциативном поле бионима «чижик» составило 111, а количество разных ассоциаций – 29, то коэффициент разнообразия равен 0,26 (29:111). Коэффициенты разнообразия реакций в гендерных полях бионимов представлены в табл. 1 (слева).

Таблица 1

**Коэффициенты разнообразия и единичности
в «мужских» и «женских» ассоциативных полях бионимов**

Бионимы	Коэффициент разнообразия		Коэффициент единичности	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
обезьянка	0,45	0,5	0,26	0,36
поросёнок	0,56	0,5	0,37	0,3
собачка	0,57	0,49	0,44	0,34
уточка	0,5	0,5	0,3	0,31
чижик	0,31	0,26	0,18	0,21
<i>Средний коэффициент</i>	0,48	0,45	0,31	0,3

Чем выше коэффициент разнообразия ассоциаций, тем больше разных ассоциаций встречается в данной группе. И, соответственно, чем он ниже, тем больше реакций совпадающих. Как видно из таблицы, коэффициент разнообразия в «мужской» группе ассоциаций достаточно высок для всех бионимов, кроме бионима «чижик». В среднем он несколько выше, чем средний коэффициент

разнообразия в женской группе ассоциаций. Коэффициент разнообразия в ассоциативных полях бионимов у женщин и мужчин совпадает для бионима «уточка». У женщин он несколько выше для бионима «обезьянка» и ниже для бионимов «поросёнок», «собачка» и «чижик».

Для выявления количественных характеристик единичных ассоциаций был определён коэффициент единичности путем отношения количества единичных ассоциаций к общему количеству ассоциаций в группе. Например, количество единичных ассоциаций в «мужском» ассоциативном поле бионима «обезьянка» составило 22, а общее количество ассоциаций 85, то коэффициент единичности будет равен 0,26 ($22 : 85 = 0,26$). Коэффициенты единичности в гендерных полях бионимов представлены в таблице 1 (справа).

Низкий коэффициент единичности свидетельствует о том, что в группе ассоциаций чаще встречаются стереотипные. И, соответственно, высокий коэффициент единичности говорит о том, что в ассоциативном поле много маргинальных ассоциаций.

Средний коэффициент единичности в мужском ассоциативном пространстве несколько ниже, чем в женском. Он более низкий, по сравнению с «женским» для бионимов «обезьянка» и «чижик», совпадает для бионима «уточка» и более высокий, чем в «женском» ассоциативном пространстве, для бионимов «поросёнок» и «собачка».

Обобщая сказанное, можно отметить, что количественные данные, характеризующие разнообразие и единичные реакции в составе «мужских» и «женских» ассоциативных полей в большой степени совпадают, или частично не совпадают. Однако именно различия определяют своеобразие общения мужчин и женщин. Различия связаны с тем, что «мужские» ассоциации являются в среднем более стереотипными, чем «женские» (бионимов «чижик» и «обезьянка»). Вместе с тем, некоторые бионимы вызывают у мужчин больше разных ассоциаций, по сравнению с женщинами (бионим «собака»).

Следующим этапом сравнительного анализа было сопоставление гендерных ассоциативных полей бионимов с целью выявления количественного соотношения ассоциаций, передающих разнообразности бионима и внешние признаки его образа и, с другой стороны, ассоциаций, актуализирующих признаки, характеризующие его внутренние качества, черты характера и поведения. Покажем процедуру такого анализа на конкретных примерах.

Бионима «собачка».

Ассоциации, актуализирующие внешние признаки бионима: муж. *маленькая* 3; *болонка* 2; *гав-гав* 2; *щенок* 2; *белая собачка* 1; *гадить* 1; *дворняжка* 1; *лай* 1; *лаять* 1; *такса* 1; *хвост* 1; *четвероногое существо* 1; (17); жен. *лай* (лает) 5; *маленькая* 3; *щенок* 2; *шерсть* 2; *пудель* 1; *хвост* 1; *пушистая* 1; *такса* 1 (16).

Ассоциации, актуализирующие внутренние качества, черты характера и поведения: муж. *верность* 1; *доброта* 1; *друг человека* 1; *ласка* 1; *лучший друг* 1; *милая собачка* 1 (6); жен. *друг* 15; *друг человека* 4; *преданность* 2; *добрая* 1; *злая* 1; *верный* 1; *верный друг* 1; *радость* 1; *смешная* 1; *уют* 1 (28).

Бионим «обезьянка».

Ассоциации, актуализирующие внешние признаки бионима: муж. *макака* 3; *примат* 3; *хвост* 2; *шимпанзе* 2; *горилла* 1; *красная жопка* 1; *орангутанг* 1 (13); жен. *хвост* 2, *быстрая* 1; *коричневая* 1; *морда* 1; *примат* 1 (6).

Ассоциации, актуализирующие внутренние качества, черты характера и поведения: муж. *весёлая* 1; *кривляния* 1; *нахальный* 1; *неугомонная* 1; *смешная* 1; *шалунья* 1 (6); жен. *кривляка* 4; *смешная* 2; *вертушка* 1; *веселье* 1; *визг* 1; *волчок* 1; *воображуля* 1; *кривлянье* 1; *озорная мартышка* 1; *озорство* 1; *проказница* 1; *хвастунья* 1; *хитрая* 1; *хитрость* 1; *шумная* 1 (19).

Бионим «уточка».

Ассоциации, актуализирующие внешние признаки бионима: муж. *жёлтый (жёлтая)* 3; *кря (кря-кря)* 2; *крякает (кряканье)* 2; *плавает* 2; *летит* 1; *маленький жёлтый* 1 (11); жен. *жёлтая* 5; *плавает (плывёт)* 5; *клюв* 3; *кря-кря* 3; *жёлтый* 3; *маленькая* 2; *утёнок (утята)* 2; *белянка* 1; *водо-плавающая птица* 1; *крякает* 1; *кряканье* 1; *маленькая птаха* 1; *пёстрая* 1; *пух* 1; *селезень* 1; *хвостик* 1 (32).

Ассоциации, актуализирующие внутренние качества, черты характера и поведения: муж. (0); жен. *милый комочек пуха* 1(1).

Бионим «поросёнок».

Ассоциации, актуализирующие внешние признаки бионима: муж. *розовый* 4; *пятчок* 3; *грязный*

2; чушка 2; визг 1; волосатый 1; круглый 1; маленький 1; маленькая свинья 1; молодой 1; хрюн 1 (18); жен. розовый 9; пятачок 8; грязнуля 3; пятак 3; грязный 2; маленький 2; хвост-крючок (хвост крючком) 2; хрюкает (хрюканье) 2; хрюшка 2; маленький веселый детёныш свиньи 1; розовенький 1; румяный 1; хрюканье 1; чушка 1 (37);

Ассоциации, актуализирующие внутренние качества, черты характера и поведения: муж. (0); жен. маленький веселый детёныш свиньи 1; неряха 1 (2).

Бионим «чижик».

Ассоциации, актуализирующие внешние признаки бионима: муж. маленькая птичка 2; птенец 2; рыжий 1 (5); жен. маленький (маленькая) 2; поёт 1; птенчик 1; тёплый птенчик 1 (5).

Ассоциации, актуализирующие внутренние качества, черты характера и поведения: муж. чувачок (1); жен. проворность 1; растрёпанность 1; юркость 1 (3). Сводные данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Количественная характеристика ассоциаций,
актуализирующих различные признаки образа бионима**

Бионимы	Внешние признаки		Внутренние качества, черты характера и поведения	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
обезьянка	13	6	6	19
поросёнок	18	37	0	2
собачка	17	16	6	28
уточка	11	32	0	1
чижик	5	5	1	3

При анализе ассоциаций, актуализирующих в гендерных ассоциативных полях различные признаки образов бионимов, было выявлено следующее: во-первых, при характеристике бионимов «уточка» и «поросёнок» для всех задействованных в исследовании носителей языка актуальными оказались внешние признаки образа бионима, отражающие физические и биологические свойства референтов; во-вторых, при характеристике бионимов «собачка» и «обезьянка» в женских ассоциативных полях ассоциаций, актуализирующих внешние признаки бионима, оказалось в меньше в два и три раза соответственно, чем ассоциаций, характеризующих образ бионима со стороны его внутренних качеств, черт характера и поведения. В мужских ассоциативных полях наоборот ассоциаций, характеризующих внутренние качества и черты характера, оказалось меньше, чем ассоциаций, актуализирующих внешние признаки образов бионимов; в-третьих, в женских ассоциативных полях всех бионимов ассоциаций, раскрывающих внутренний характер образа бионима и передающих эмоциональное отношение к нему, больше, чем аналогичных ассоциаций в мужских ассоциативных полях, в которых преобладают ассоциации, характеризующие референты по внешним признакам.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 18-012-00437 «Многозначное слово в сознании носителей русского языка»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 2. – 1088 с.
3. Лебедева, Н.Б. Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингвокультурах (по результатам эксперимента) / Н.Б. Лебедева, Т.Г. Рабенко // Русин. – Т. 56. – 2019. – С. 226–241.
4. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.

Материал поступил в редакцию 30.12.19

GENDER CHARACTERISTICS OF THE ORDINARY SEMANTICS OF POLYSEMANTIC BIONYM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

M.G. Shkuropatskaya¹, T.V. Zhukova²

¹ Doctor of Philological Sciences, Professor,

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk), Russia

Abstract. *The article presents the results of the study of the ordinary semantics of polysemantic bionyms in the language consciousness of Russian speakers, taking into account their gender characteristics. The study was aimed at identifying common and distinctive features in the semantics of bionyms due to the gender identity of native speakers. This goal is achieved through a free association experiment in the form of a questionnaire, followed by the compilation and interpretation of the resulting association fields. On the basis of quantitative analysis, the factual material revealed that in male associative fields dominated by stereotypical reactions and marginal women; men at the characteristics of the image bionym prefer the external characteristics of the referent, and women of its inner qualities and behaviors.*

Keywords: *gender, polysemantic word, ordinary semantics, associative experiment.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 1 (25), январь / 2020

Адрес редакции:
Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»
Адрес типографии:
Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель: ООО Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 24.01.2020 г. Дата выхода в свет: 31.01.2020 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 21. Свободная цена. Тираж 100.